

AMHMYC

ЭКСКЛЮЗИВНО
в Литрес
Абонементе

ДЕЛО САВЫ МОРОЗОВА

АНОНИМУС

АНОНИМУС

Дело Саввы Морозова

«СОЮЗ»

2023

АНОНИМУС

Дело Саввы Морозова / АНОНИМУС — «СОЮЗ»,
2023 — (АНОНИМУС)

ISBN 978-5-6050125-3-5

Книга доступна эксклюзивно в ЛитРес: Абонементе. Выберите тариф, чтобы получить доступ к книге. Угадывайте авторов и получайте призы! Для этого после прочтения каждого романа заполняйте форму на этой странице В гости к старшему следователю Следственного комитета Оресту Витальевичу Волину приезжает из Парижа его девушка, капитан французской полиции Ирэн Белью, она же — Ирина Белова. В Москве ей нужно расследовать дело об убийстве криминального авторитета 90-х, ныне — французского бизнесмена Серегина. Серегина убили во Франции, но следы ведут в Россию. Волин и Белова отправляются к генералу Воронцову, который может что-то знать о деятельности Белова в далекие девяностые. Генерал предлагает им прочесть очередной мемуар Нестора Загорского... Весной 1905 года к Нестору Загорскому обращается за помощью Анна Карпова — сестра известного промышленника и мецената Саввы Тимофеевича Морозова. По ее словам, брату грозит смертельная опасность. Загорский соглашается помочь.

ISBN 978-5-6050125-3-5

© АНОНИМУС, 2023

© СОЮЗ, 2023

Содержание

Пролог. Мадемуазель Белью	6
Вступление. Волшебник революции	10
Глава первая. Настежь закрытые двери	14
Глава вторая. Взыскание долга	23
Глава третья. Тайный агент с Хитровки	28
Глава четвертая. Потомственный сумасшедший	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

АНОНИМУС

Дело Саввы Морозова

*** * ***

© текст АНОНИМУС

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Пролог. Мадемуазель Белью

Полковник Щербаков с утра был не в духе, или, выражаясь партикулярным языком, кричал громче обычного. Причем кричал он в основном на старшего следователя Волина, потому что остальные подчиненные при первых же начальственных воплях теряли всякое соображение и только попусту лупали глазами. Спроси их в этот момент, вокруг чего вращается Земля, и то бы, наверное, не сказали. И не потому, что не знали – этого по нынешним временам многие не знают, все мы – жертвы ЕГЭ, – доблестные работники Следственного комитета не могли ответить на такой простой вопрос только потому, что теряли оперативную сметку. А оперативная сметка – это, граждане, такая вещь, которая позволяет отвечать на любые, даже самые заковыристые вопросы начальства, причем делать это так, чтобы начальство оставалось тобою довольно и не препятствовало дальнейшему повышению по службе.

– Мать вашу за ногу! – разорвался полковник, бегая по кабинету из конца в конец. – И бабушку вашу за то же самое место! Я вам здесь не шутки шутить поставлен, я государственный интерес блюду! А вы тут чем занимаетесь? Ключом щелкаете за деньги налогоплательщиков?!

И для вящей убедительности добавлял несколько особенно заковыристых ругательств, которые он заимствовал из лихих девяностых вместе со словами о налогоплательщиках, какие нынче не употребляет ни один серьезный пацан, не говоря уже о старших офицерах Следственного комитета.

Пока полковник бегал по кабинету и кричал, Орест Витальевич Волин сидел на стуле возле его стола и с живым интересом наблюдал за эволюциями начальства. Впрочем, интерес его был показной, ненатуральный. Старший следователь понимал, что крики полковника не несут никакой полезной информации, это чисто символическое действие, вроде того, как древние греки приносили жертвы на алтарь бога Юпитера, чтобы добиться его расположения.

Очевидно, и в их деле существовали какие-то правоохранительные боги, которым время от времени следовало приносить жертву, – в противном случае они лишали Следственный комитет своего покровительства, а вместо этого начинали осенять своей благодатью, ну скажем, Генеральную прокуратуру. Однако тут все-таки была не Древняя Греция, и нельзя было просто так взять и заколоть упитанного тельца, а кровью его смазать алтарь нужного бога. Поэтому в качестве тельцов избирались подчиненные офицеры, приносимые в жертву чисто символически, то есть через крики и поминание всех их родственников вплоть до матерей и двоюродных бабушек.

Произведя необходимую словесную экзекуцию, полковник сразу же становился добрее, после чего можно было выбить из него некоторые льготы и преференции. Так случилось и в этот раз.

Терпеливо выслушав все положенные по ритуалу крики начальства, Волин с самым почтительным видом заявил, что со службы ему сегодня надо уйти пораньше: требовалось произвести некие следственные действия, о сути которых он доложит товарищу полковнику чуть позже. Щербаков, разумеется, немедленно его отпустил.

На самом деле, конечно, никаких следственных действий производить Волину не требовалось, просто такая благодать стояла на улице, так сияло солнце, так трепетала под ветром зеленая листва, что грех было насиживать в душном кабинете геморрой и корпеть над отчетами. Ну и кроме того, Орест Витальевич обещал своему старому другу, доблестному пенсионеру генералу Воронцову приехать к нему в гости и прочитать новую порцию расшифрованных дневников Нестора Васильевича Загорского.

Однако перед этим следовало заглянуть домой и на скорую руку чего-нибудь перекусить, потому что рассчитывать на генеральские харчи не стоило – в лучшем случае чаю с печеньем предложит.

– В еде, как и во всем остальном, нужны воздержанность и самоограничение, – поучал Воронцов старшего следователя. – Как говорили древние, ножом и вилкой рою мы себе могилу...

Волин хотел было спросить, какие это древние употребляли при еде нож и вилку, но передумал. Хорошо говорить о воздержанности, когда тебе девяносто лет в обед, а молодому мужику вроде самого Волина для начала хорошо бы съесть здоровенный кусок хорошо прожаренного мяса с гарниром, а уж после рассуждать о самоограничении и прочей аскезе.

Именно поэтому Орест Витальевич для начала направил свои стопы прямо к родным пенатам. Тут, впрочем, ждал его совершенно удивительный сюрприз.

Поднявшись на этаж и подойдя к собственной квартире, Волин обнаружил, что дверь не заперта. Это его несказанно удивило, потому что он, в отличие от некоторых, не имел дурацкой привычки оставлять квартиру нараспашку и, уходя, всякий раз дергал дверь, проверяя, надежно ли она заперта. Точно так же он поступил и сегодня утром, а вернувшись, вдруг обнаружил, что в квартиру, очевидно, кто-то проник.

Любой рядовой обыватель в таких обстоятельствах, скорее всего, вызвал бы полицию. Но он, Волин, сам в каком-то смысле был полицией – во всяком случае, квалификация его и профессиональный статус позволяли без труда справиться с любым квартирным воров. Поэтому он не стал никуда звонить, но лишь вытащил табельный пистолет, затем тихо приоткрыл дверь и практически бесшумно вошел в квартиру.

Первое, что он услышал, переступив порог, был звук льющейся в ванной воды. Это показалось ему странным. Вор вынес все ценное, а уходя, решил затопить квартиру, чтобы смыть следы преступления? Версия совершенно дикая, но, учитывая безмозглость современных воров, совсем исключать ее нельзя.

Волин подошел к ванной и, не пытаясь открыть дверь, прислушался. Судя по всему, вода лилась не из крана, она лилась из душа. Звук воды все время менялся, это значило, что душ не просто включили, но пользуются им прямо сейчас.

Старший следователь, конечно, слышал истории, когда вор, придя в квартиру, соблазнился полным холодильником и оставался в доме на некоторое время, чтобы выпить и закусить за счет хозяев. Это понять можно, времена сейчас непростые, даже вора приходится считать каждую копейку. Однако, чтобы вор, взломав замок, шел принимать душ – такое трудно было представить даже Волину с его богатым опытом.

Поразмыслив немного, он спрятал пистолет и потянул на себя дверь ванной. Она, как и входная, тоже была не заперта и открылась ему навстречу с такой охотой, как будто только этого и ждала.

Глазам Волина представилось необыкновенное зрелище. В его собственной ванне как ни в чем не бывало принимала душ обнаженная женщина. Пару секунд старший следователь только глазами моргал, потом сказал:

– А позвольте узнать, мадемуазель Белью, что это вы тут делаете?

Иришка – а это, разумеется, была она – повернулась наконец к нему лицом и сказала со своим очаровательным акцентом:

– Неужели девушке после долгой дороги нельзя сходить в душ?

Волин подумал чуть-чуть и заметил, что, в принципе, он ведь тоже с дороги и ему тоже не мешало бы освежиться. С этими словами он повесил на вешалку пиджак и начал расстегивать рубашку. Однако мадемуазель Белью, она же – жившая в Париже девушка Волина капитан французской полиции Ирина Белова, предупреждающе выставила вперед ладошку.

– Ты вакцинировался хотя бы раз за последние полгода?

– Само собой, я же государственный служащий, – бодро отвечал старший следователь, начиная стаскивать с себя брюки.

– Этого мало, – заметила она строго. – Будь любезен, предъяви ПЦР-тест с действительным сроком годности!

Волин изумился: она это серьезно? Та лукаво улыбнулась:

– Не правда ли, я – само очарование?

Волин, не говоря больше ни слова, сбросил брюки и полез в ванну...

Выбрались они оттуда только спустя полчаса. Можно было, наверное, еще немного продлить водные процедуры, но Иришка оказалась настроена по-деловому.

– Я сюда не затем приехала, чтобы плескаться в русском душе, – заявила она, кутаясь в большое махровое полотенце, – помыться я и во Франции могу.

Волин возразил, что во французском душе вряд ли встречаются такие симпатичные молодые люди. На это мадемуазель Белью заметила, что он – типичный имперец и квасной патриот, считающий, что в России все самое замечательное. Пусть-ка лучше подаст ей ее платье, да не то, в котором она приехала, а легкое, голубое в цветочек, оно лежит в чемодане.

– Почему не предупредила, что приедешь? – спросил старший следователь, выживая из чемодана нужное платье.

– Потому что я в России по делу, – отрезала Иришка. – Я вообще не собиралась к тебе заезжать, но потом подумала, что ты обидишься, и решила все-таки выкроить для тебя полдня.

Волин полюбопытствовал, что у нее тут за дело.

– Помнишь русского бандита Серегина, с которым мы встречались в его парижском ресторане?

Волин, разумеется, помнил, забыть такую экстравагантную фигуру было мудрено.

– Его убили, – коротко отвечала Иришка. – Следы ведут в Россию.

Орест Витальевич только головой покачал. Она собирается расследовать в России убийство русского бандита, которого раньше срока отправили к праотцам? Дохлое дело, ничего ей тут не светит.

– Ну, я же не одна буду его расследовать, – заметила мадемуазель Белью, расчесывая волосы. – Ты же мне поможешь, правда?

Волин про себя подумал, что только парижских бандитов русского происхождения ему тут не хватало, но вслух, конечно, этого не сказал, только вздохнул и пообещал, что к ее услугам – весь Следственный комитет Российской Федерации.

– Прекрасно, – улыбнулась Иришка, – мы сразу найдем с твоим комитетом общий язык. Давай-ка составим план дальнейших действий.

– Составим, – согласился Волин. – Но не сейчас. Сейчас мы, с твоего позволения, поедem к генералу Воронцову.

– К тому самому, которого убили, когда мы были в Италии?

– Да, к нему.

– Как он себя чувствует?

– Для мертвеца неплохо. Тем более если учесть, что стреляли все-таки не в него, а в его коллегу.

Иришка ненадолго задумалась, а потом спросила, а зачем, собственно, им ехать к генералу, если тот и так чувствует себя неплохо. Затем, отвечал Волин, что он обещал Сергею Сергеевичу приехать именно сегодня. А еще затем, чтобы представить Воронцову мадемуазель Белью. Старик не простит Волину, если она уедет во Францию, так с ним и не познакомившись.

– А откуда же он узнает, что я приезжала?

– Узнает, не беспокойся. У этих старых кагэбэшников глаз-алмаз, они человека до печенок видят.

– В самом деле? Ну, тогда можно использовать их вместо томографов.

– Вот ты смеешься, а я серьезно, – упрекнул ее старший следователь. – Хочешь, поспоим? Стоит ему только на меня глянуть, и он сразу поймет, что ты в Москве.

Мадемуазель Белью прищурилась: и как же он это поймет?

– Уж не знаю как, но только поймет, в этом можешь быть уверена.

Иришка размышляла недолго.

– Ладно, – согласилась она, – пойдем, покажешь мне своего удивительного генерала. Фен у тебя имеется – волосы просушить?

* * *

Увидев Иришку, генерал Воронцов чрезвычайно оживился. Он торжественно поднялся из своего кресла, расправил неширокие свои стариковские плечи и чрезвычайно церемонно поцеловал ей ручку.

– Ах, – сказала она, – вы такой любезный мужчина! Сразу видна старая школа.

И строго посмотрела на старшего следователя: вот, учись, а то в современных молодых людях совершенно нет никакой галантности!

– Хочешь сказать, я был недостаточно галантен в душе? – шепнул Волин.

Она бросила на него сердитый взгляд, но генерал, кажется, ничего не услышал. Он объявил, что как раз для такого случая имеется у него бутылочка мартини. Мадемуазель Белью ведь любит мартини?

– Конечно люблю, – отвечала та, – нет такой девушки, которая бы не любила мартини.

Спустя полчаса они уже сидели за накрытым столом, где как по волшебству явилось не только мартини, но и коньяк, и шампанское, не говоря уже о разнообразных закусках. Волшебство это, впрочем, случилось не само собой, его организовал старший следователь, которому за всем вышеозначенным пришлось сгонять в ближайший магазин...

Волин рассказал генералу, какой сюрприз ему устроила Иришка, вскрыв дверь в его отсутствие и оккупировав его душ.

– Однако вы рисковали, – отсмеявшись, заметил генерал. – Он ведь и выстрелить мог...

– Не мог, – отвечала мадемуазель Белью, – не такой он дурак, чтобы с ходу стрелять в красивых женщин.

– Да, – согласился Воронцов, – парень он хладнокровный: сперва думает, потом стреляет. С такими способностями давно бы мог карьеру сделать где-нибудь в ФСБ или даже ФСО, а он все в своем Следственном комитете прозябает.

– Не прозябаю, – поправил старший следователь, – не прозябаю, а стою на страже общественных интересов. И стою, заметьте, очень недурно. Борюсь с преступностью, как организованной, так и самодельной. За что меня любят и рядовые российские граждане, и отдельно взятые иностранные барышни...

Понемногу разговор наконец дошел и до новой порции дневников Загорского.

– Если можно, я бы тоже почитала, – сказала Иришка, адресуясь к генералу.

– А вы знаете, в чем там суть? – спросил Воронцов.

Она, конечно, знала. Во-первых, ей Волин рассказывал, во-вторых, один мемуар знаменитого сыщика он ей уже показывал, когда приезжал в Париж. Ей очень понравилось.

– Да, Загорский – фигура обаятельная, такие нравятся барышням, – кивнул генерал. – Что ж, если вам так хочется, мы с Орестом Витальевичем будем только рады.

И он вытащил из папки, лежавшей на диване, увесистую стопку распечатанных на принтере страниц...

Вступление. Волшебник революции

На Стрэнде¹, соединявшем деловой Сити и политический Вестминстер, царил прохладный послеобеденный покой. Кипучие маклеры, незаметные клерки, суетливые чиновники и исполненные важности политики либо уже закончили текущие дела и, как добропорядочные подданные, отправились по домам к женам и детям, либо, словно ночные хищники, затаившись, ждали в своих конторах сумерек, чтобы на совершенно законном основании предаться разнообразным развлечениям – как вполне невинным, так и, увы, весьма двусмысленным. Улица, обычно оживленная, еще недавно забитая экипажами, кебами и людьми, почти опустела сейчас в ожидании вечера, который, как некий лукавый фокусник, вот-вот должен был накрыть ее своим фиолетовым плащом и удивительным образом изменить все вещи вокруг.

Пока же вечер лишь мерцал на горизонте, и неперенное сумеречное чудо только начало наплывать на Лондон, на улицу со стороны Трафальгарской площади вынырнул респектабельный господин лет тридцати пяти в легком темном плаще, с усами, эспаньолкой и зачесанными назад темно-русыми волосами, надежно упрятанными под черный шапокляк. В руке он держал трость, на которую, впрочем, не так опирался, как поигрывал ею. Судя по скорости вращения, трость была не простая, а утяжеленная, с залитым внутрь свинцом. Похожую трость использовал знаменитый русский борец Поддубный, но не для защиты от уличных хулиганов, а затем, чтобы тренировать мышцы даже во время обычных прогулок. Как-то раз он уселся отдохнуть в скверике, трость поставил рядом со скамейкой, а незадачливый воришка пытался ее утащить, да только руку себе вывихнул.

Впрочем, джентльмен с эспаньолкой не особенно походил на профессионального атлета. Судя по всему, принадлежал он если не к аристократии, то к людям вполне состоятельным, для которых физические упражнения скорее забава, чем средство снискать себе хлеб насущный. Взгляд у него был ясный, волевой, глаза с интересом скользили по улице, и, пожалуй, это было единственное, что выдавало в нем чужака, потому что чем, скажите, мог бы любоваться на Стрэнде природный лондонец?

Однако, чего бы ни искал этот праздный гуляка, на сей раз, кажется, ему не суждено было обнаружить что-то стоящее, поскольку внимание его привлек ресторан «Симпсонс», а точнее, выглядывающий в окно ресторана гримасничающий господин. Появись здесь сейчас девочка Алиса из сказок профессора Чарльза Латуиджа Доджсона², она непременно приняла бы человека в окне за злого волшебника, подстерегающего в своем замке заплутавших детей, но, будучи ребенком воспитанным и храбрым, не стала бы звать полицию, а воскликнула бы только: «Все любопытственнее и любопытственнее!»

И действительно, волшебник, засевший в знаменитом ресторане, являл собой весьма любопытное зрелище. Возраст у него был примерно тот же, что и у джентльмена с эспаньолкой, однако ни манеру его, ни внешность назвать респектабельной нельзя было при всем желании: тут имелись огромные, стремящиеся к затылку светло-рыжие залысины, которые лстыцы обычно зовут сократовским лбом, крупный нос, небольшие вислые усы и треугольная бородка. От неторопливого поклонника гимнастических упражнений отличался он живостью, почти юркостью в движениях, и быстрой сменой физиономий на лице.

Этот ресторанный протей³ стучал теперь кулаком в стекло, добиваясь внимания, и, перехватив взгляд гуляющего джентльмена, стал тыкать указательным пальцем сначала в него,

¹ Стрэнд – центральная улица Лондона.

² Charles Lutwidge Dodgson – настоящее имя писателя Льюиса Кэррола.

³ Протей – в древнегреческой мифологии морское божество. Обладал необыкновенной способностью к метаморфозам, принимал любые обличья.

потом в себя, после чего взялся производить ладонью особенные загребательные движения, которые ясно давали понять, что он приглашает господина в шапокляке внутрь и, может быть, даже угостит его обедом – во что, впрочем, верилось мало, особенно если повнимательнее взглянуть в его живые лукавые глаза. Очевидно, тот, кого он звал, тоже не очень-то верил в такую перспективу, потому что поморщился, однако после короткого размышления все-таки нырнул в полукруглый вход заведения.

Тут стоит заметить, что «Симпсонс» был притчей во языцех даже в Лондоне, богатом на рестораны. Уже с середины девятнадцатого века стал он знаменит как приют шахматистов, причем не только любителей, но и профессионалов. Его посещали все сколько-нибудь значительные игроки того времени, от гениального американца Пола Морфи до непримиримых соперников чемпионов мира Вильгельма Стейница и Эммануила Ласкера. Поговаривали, что блистательный маэстро и претендент на мировое первенство Иоганн Цукерторт даже умер в этом ресторане от инсульта, когда играл легкую партию с каким-то шахматным меценатом. Впрочем, в последние годы древней игре здесь уже не придавали былого значения, шахматные столики убрали прочь, и публика сюда приходила в основном ради замечательных мясных блюд.

Судя по тому, как озирался по сторонам человек с эспаньолкой, он не был ни шахматистом, ни гурманом и представление о «Симпсонсе» имел самое поверхностное. Тем не менее уже спустя минуту, сопровождаемый необычайно представительным метрдотелем, он подошел к столику, за которым сидел лысый волшебник.

– Что же это вы, батенька, идете мимо и совершенно не замечаете товарищей по партии? – воскликнул волшебник по-русски, слегка картавя при этом. – Скверно, мой милый Никитич, я бы сказал, совсем нехорошо!

– Вы с ума сошли, – сердито отвечал загадочный Никитич, жестом отпуская метрдотеля и садясь за столик напротив собеседника. – С какой стати вы во всеуслышание используете конспиративные клички? Вы не думаете, что это опасно? А если я начну звать вас Старик, или Базиль, или, например, Ленин, как вам это покажется?

– Хоть эсером назовите, только в кутузку не сажайте, – находчиво отвечал лысый Ленин, среди революционеров Российской империи известный как глава фракции большевиков. – Во-первых, уверяю вас, в этом ресторане нет ни одного русского, так что нас все равно никто не поймет. Во-вторых, здесь гораздо безопаснее звать вас Никитич, а не Леонид Борисович Красин. И в-третьих...

– В-третьих, вам не приходило в голову, что сюда могли добраться агенты охранки? – перебил его Красин-Никитич.

Ленин улыбнулся и заметил, что агентам охранки тут совершенно нечего делать. Даже большинство эсдеков⁴ не подозревает, что в Лондоне в эти дни проходит Третий съезд Российской социал-демократической рабочей партии, что уж говорить об охранном отделении? Предыдущий, второй съезд действительно наделал много шума, а нынешний проходит совершенно келейно, почти интимно. Нет-нет, нынче в Туманном Альбионе они могут чувствовать себя совершенно спокойно, здесь архибезопасное для революционеров место.

Красин в ответ пробурчал, что это Ленин может чувствовать себя спокойно: когда кончится съезд, он отправится обратно в Швейцарию. А вот он, Красин, вернется в Россию, где его наверняка спросят товарищи по партии, почему в съезде участвовали только представители от большевиков и чем провинились члены других фракций?⁵

⁴ Эсдеки – сокращенное название членов Российской социал-демократической рабочей партии, одной из фракций которой являлись большевики.

⁵ III съезд РСДРП проходил в Лондоне в апреле 1905 года. В нем участвовали только большевики, другие фракции на съезде отсутствовали. По этой причине позже этому съезду было отказано в официальном статусе съезда РСДРП.

– Если вас спросят об этом, в чем лично я сильно сомневаюсь, отвечайте, что они виноваты в том, что революционную борьбу подменяют бабьей болтовней, – отвечал Ленин, и глаза его из веселых сделались неприятными и даже жесткими.

Красин глядел на него все так же хмуро: некоторые полагают, будто болтовней занимаются как раз эмигранты-литераторы вроде самого Ленина. Именно они, эмигранты, оторвались от российской почвы и изобретают фантастические прожекты, в то время как революционное подполье в России платит за их фантазии кровью и жизнями борцов с монархией.

– А вот тут вы, милый мой, кардинально ошибаетесь! – воскликнул Ленин. – Это, скажу я вам, архиглупая позиция. Поверьте, батенька, некоторые вещи можно отчетливо увидеть только на расстоянии.

Красин поморщился: перестаньте звать меня батенькой, это пошло.

– Ну, батенька – не маменька, это бы действительно было обидно, – засмеялся главный большевик. – А вообще не вам бы обижаться следовало, а мне. Это же вы предлагаете снюхаться с меньшевиками, которые по сути своей ренегаты и предатели... Это с вашей подачи, дорогой Никитич, съезд исключил из ЦК всех большевиков, живущих за границей. Вы бы и меня исключили, вот только руки короткие... А впрочем, вы, может быть, проголодались? Здесь подают отличные бифштексы, попробуйте – не пожалеете. Особенно рекомендую непрожаренные, с кровью.

Красин взглянул в меню и сухо отвечал, что ему теперь эти бифштексы не по карману. После того как Савва Морозов выгнал его со своей мануфактуры, денег у него в обрез.

– Не то плохо, что он вас выгнал, – усмехнулся Ленин, – плохо, что перестал финансировать партию. Некоторые считают, что у вас семь пядей во лбу. Так вот объясните, любезнейший, как это вы с вашим умом упустили такого толстосума? Это все из-за того, что он с Андреевой порвал? Может быть, ему другую актрису найти, помоложе и поинтереснее?

Красин отвечал, что актриса Андреева, она же товарищ Феномен, тут совершенно ни при чем. От партии Морозова отвалила вовсе не она, а Кровавое воскресенье⁶ и последовавшие за ним события, в том числе восстание рабочих на его собственной Никольской мануфактуре. Рабочих расстреляла полиция, а Морозов почему-то винит во всем большевиков.

– Он выразился совершенно ясно: «На кровь денег не дам!» – подытожил свою речь Красин.

Ленин нехорошо прищурился – подумайте, какой чистоплюй, на кровь он денег не даст. А то, что он и ему подобные эксплуататоры столетиями кровь из народа сосут, он в расчет не берет?

– Идиот ваш Морозов, – заявил Ленин решительно. – Кисляй, мямля и сукин сын! Надо быть полным и окончательным подлецом, чтобы не понимать, что революции в белых перчатках не делаются. Да за такое в морду надо давать! Вот мы сейчас на съезде принимаем программу вооруженного восстания. Как, по-вашему, можно реализовать ее без крови? Зарядить пистолеты холостыми патронами или, я извиняюсь, кашками меньшевиков? Вы, батенька, меня знаете, я и сам против насилия. Но если уж придется стрелять, то стрелять надо не раздумывая. И кстати сказать, от Андреевой я такой гадости не ждал. Всё ее пашни с Горьким. Нет, Алексей Максимович – человек полезный, но теленок и фантазер. Совершенно ясно, что разговоры Саввы про кровь – это болтовня. На самом деле Морозов обиделся, что ему рога наставили. Не знаю, был ли у вас у самого такой опыт, но знающие люди говорят, что это крайне неприятно.

⁶ Кровавое воскресенье – состоявшийся 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге жестокий разгон шествия петербургских рабочих, собиравшихся вручить императору Николаю Второму коллективную «Петицию о рабочих нуждах». Считается, что именно Кровавое воскресенье, повлекшее гибель сотни с лишним человек, послужило толчком к началу первой русской революции.

Однако Красин был уверен, что никакие рога тут ни при чем. Более того, в январе, когда Горький попал в тюрьму, а Андреева лежала больная, Морозов явился к ней и сам отдал страховой полис на предъявителя.

– И что это значит? – насторожился Ленин.

Это значит, что Морозов застраховал свою жизнь, а деньги в случае его смерти получит Андреева.

– Ай да Андреева, вот так актрисуля! – захохотал Ленин. – Спит с Горьким, деньги берет у Морозова, а принадлежит только революции. Действительно феномен, ничего не скажешь.

Тут он вдруг перестал смеяться и деловито осведомился, на сколько же именно Савва Тимофеевич застраховал свою жизнь.

– Сто тысяч рублей, – кратко отвечал Красин.

– Сто тысяч рублей, – задумчиво повторил Ленин. – Да он за все время, что с нами якшается, таких денег нам не передал. Что же вы молчали, почему не сказали мне раньше?

– Не хотел беспокоить по пустякам, – отвечал Красин.

– Пустяки? Ничего себе пустяки – сто тысяч рублей! Это, я вам скажу, батенька, куш. И куш такой упускать никак нельзя, уж мне можете поверить.

Красин несколько секунд хмуро глядел на Ленина, потом осведомился, что он имеет в виду.

– Что имею в виду? – переспросил главный большевик. – А вы подумайте. Как следует подумайте... Это вам не эксы устраивать, дело простое, спокойное.

Красин с минуту сидел молча, потом сказал, что на Морозове еще рано ставить крест, тот еще может быть полезен делу революции. Сейчас у Саввы расшатаны нервы, он не в себе. А он, Красин, рано или поздно все-таки надеется его уговорить.

– Рано или поздно – это когда? – деловито спросил Ленин. – Революция разгорается, деньги нужны позарез – и не на бифштексы, а на то, чтобы вооружать людей. А вы, судя по всему, намерены с вашим Саввой менуэты танцевать. Так я вам вот что скажу. Уговаривать вы его будете или еще как-то повлияете – мне все равно. Только сделать это надо как можно быстрее. Потому что никто не знает, что будет завтра. Так что действуйте, товарищ Никитич, и действуйте немедленно.

Красин опустил глаза в стол, руки его нервно перебирали столовые приборы, лежавшие на белой скатерти. Ложка, вилка, нож, снова вилка, опять нож... Рука его с силой сжала серебряную рукоять, он поднял глаза на Ленина.

– Я все же надеюсь его уломать, – проговорил Красин с запинкой. – Я пустил в ход свои методы. Морозов никуда от нас не денется, я хорошо его знаю, он не такой человек...

– Партии безразлично, какой он человек, и безразлично, какой человек вы. – Его визави весь подобрался и на миг превратился в какое-то хищное животное. – Партию интересует только результат, понимаете, ре-зуль-тат! Или, может быть, вы испугались? В таком случае мы найдем других исполнителей, надежных. За это дело может взяться, например, товарищ Богданов.

Красин покачал головой: не нужно Богданова, он все сделает сам. Тем более что дело уже на мази, он уже обрабатывает Морозова. Нужно только немного подтолкнуть купца, и он упадет им в руки, как спелый плод.

– Ну, вот и договорились. – Ленин откинулся на стуле и сквозь хитрый прищур посмотрел на собеседника. – В революции, батенька, нет ни друзей, ни родственников. Есть лишь великая цель, ради которой можно отдать жизнь не только свою, но и окружающих. Не забывайте об этом никогда!

И он решительно ткнул вилкой в бифштекс.

Глава первая. Настежь закрытые двери

В санкт-петербургском доме статского советника Нестора Васильевича Загорского было непривычно тихо. Тихо было на первом этаже, еще тише – на втором, и особенно тихо было в сердце дома, в кабинете самого Загорского. Казалось, всякая жизнь тут прекратилась, только яркие лучи весеннего солнца прожигали большое стеклянное окно кабинета, словно хотели выжечь дому глаз. Тишина была такая, что чудилось, будто во всем доме нет ни единой живой души – ни хозяина, ни даже прислуги. Впрочем, учитывая характер Загорского и особенности его профессии, утверждать что-то со всей определенностью было невозможно. Однако, даже если кто-то все-таки сейчас и находился в доме, этот кто-то явно не торопился обнаруживать свое присутствие.

Вероятно, поэтому, когда с улицы позвонили в дверь, на звонок никто не откликнулся. Человек снаружи, выждав некоторое время, позвонил снова – ответом по-прежнему была тишина. Однако гость не уgomонился и позвонил также и в третий раз. Настойчивость его была вознаграждена: в глубинах дома, кажется, произошло некоторое шевеление, и дверь с легким вздохом неожиданно открылась сама собой.

Тут следует заметить, что Нестор Васильевич, как человек прогрессивный, следил за последними открытиями в науке и технике и шел с ними в ногу, чтобы не сказать – опережал. Электрическое освещение, паровое отопление и прочие приметы современного быта появились в его доме едва ли не раньше всех в Санкт-Петербурге. Но помимо вещей общеизвестных, Загорский пользовался и совсем уж удивительными фокусами, смысла которых не мог постигнуть рядовой обыватель. Одним из таких технических фокусов оказалась и самооткрывающаяся дверь – вещь, совершенно непонятная не только любому здравомыслящему человеку, но даже и верному помощнику Загорского Ганцзалину.

– Зачем? – недоумевал тот, недовольно вышагивая по гостиной, пока статский советник со свойственной ему даже в малых делах тщательностью раскуривал сигару. – Зачем такая дверь? Какой от нее толк?! Тем более когда на вас объявили охоту большевики!

Китаец до такой степени был возмущен, что даже против своего обыкновения прочитал небольшую лекцию о том, что человечество всю свою историю выискивало самые верные и надежные способы запереть двери, причем так, чтобы никто снаружи открыть их не мог. И вот хозяин при помощи знакомых инженеров и электриков придумывает способ, как открывать дверь без участия человека. К чему тогда, скажите, все эти замки и запоры, которые подарила нам цивилизация, если всякий, кому захочется, сможет открывать двери нараспашку?

– Не всякий, – хладнокровно отвечал на это Загорский, – далеко не всякий, а только лишь тот, кому будет позволено. Предположим, вся прислуга ушла в церковь, и как раз в этот миг появился какой-то человек со срочным делом. Он звонит в дверь один раз, второй, третий, из чего я понимаю, что дело у него серьезное и не терпит отлагательств. Я нажимаю специальный рычажок, дверь отпирается сама собой, человек входит внутрь...

– ...убивает хозяев и выносит из дома все ценное! – закончил Ганцзалин.

Загорский поморщился: его верный помощник уж слишком мрачно смотрит на вещи. Мир состоит не только из бандитов и жуликов – по земле ходят и весьма порядочные люди.

– Изредка! – уточнил Ганцзалин. – Изредка ходят. Но это не значит, что домой к нам будет ходить только честная публика. Это во-первых. Во-вторых, даже если вся прислуга ушла в церковь, куда пойдет Киrшнер?

Артур Иванович Киrшнер был дворецким Загорского, человеком во всех отношениях превосходным, однако лютеранином и, следовательно, православной церкви не посещал.

– Киришнер такой же человек, как и все. – Вид у статского советника был совершенно невозмутимым. – Он может заболеть, умереть, в конце концов, просто уволиться. И что же, прикажешь в таком случае мне самому спускаться к двери и собственноручно ее открывать?

Китаец сердито проговорил, что на такой случай у Загорского имеется он, Ганцалин. Уж он-то как-нибудь спустится к двери, откроет ее и благополучно вытолкает незваного гостя вон.

– Именно этого я и боюсь, – кивнул Нестор Васильевич. И, подумав немного, добавил: – А вообще, оставь меня в покое со своими претензиями. Пойми одну простую вещь – мне просто нравится сама эта идея. Неужели тебе не хотелось бы жить в мире, где люди не прислуживают друг другу, а всю работу делают электрические механизмы?

Ганцалин засопел сурово и заявил, что господин, очевидно, начитался Жюль Верна. Нет и не может быть такого мира, где бы одни люди не прислуживали другим. Этот порядок установлен тысячелетиями, и сломать его совершенно невозможно.

– Аминь, – заключил Загорский, однако электрические замки так и не демонтировал.

Более того, он усовершенствовал их таким образом, что двери можно было открыть и совсем без участия человека – если позвонить в звонок снаружи определенное количество раз с определенной долготой. Однако сколько именно надо звонить, знали только двое: сам Загорский и его верный Ганцалин.

– А если случайно попадет? – спрашивал неугомонный помощник. – Какой-нибудь жулик случайно позвонит нужное количество раз – и дверь откроется?

– В таком случае мы будем знать, что теория вероятности тоже кое-чего стоит, – бодро отвечал статский советник. – Однако уверяю тебя, возможность такого совпадения чрезвычайно мала...

Судя по всему, Загорский все же несколько ошибался в своих вычислениях. Нынешний пришелец продолжал терзать звонок и дозвонился до того, что дверь открылась сама собой, автоматически. Так, во всяком случае, это выглядело со стороны.

После некоторой заминки в дом вошла немолодая уже, хорошо и вместе с тем скромно одетая дама лет пятидесяти. Впрочем, это была не скромность бедности, а скромность хорошего вкуса. Перчатки, шляпка, сапожки, пальто – все выдавало в посетительнице женщину весьма состоятельную, хотя и не желавшую это показывать.

В некоторой растерянности она остановилась на пороге и, не видя перед собой дворцового и никого из прислуги, стала озиаться по сторонам. Проще всего, разумеется, было бы подать голос, однако гостя почему-то постеснялась это сделать. Вместо этого, самостоятельно сняв пальто, она отправилась вверх по лестнице в жилую часть дома.

Однако, едва только дама оказалась на втором этаже, позади нее материализовалась некая стремительная тень. Тень эта молча ухватила пришлицу за руки и мягко, но быстро свела их за спиной.

– Господи Боже мой, – в ужасе воскликнула женщина, тщетно пытаясь повернуть голову и увидеть, кто на нее напал, – что вы делаете?!

Позади нее раздалось неразборчивое, но весьма устрашающее шипение, которое, впрочем, было немедленно пресечено появлением хозяина дома. Высокая фигура Загорского возникла словно бы из ниоткуда, однако к его привычному благородному облику добавилась неожиданная деталь – его левая рука висела на перевязи.

– Ганцалин, – с досадой сказал статский советник, – уймешься ты, наконец, когда-нибудь или нет?

Китаец из-за спины плененной им дамы решительно отвечал, что он не уймется до тех пор, пока господину грозит смертельная опасность. Нестор Васильевич, не слушая, велел ему немедленно оставить в покое гостью.

– За нами охотятся, нас могут убить, – помощник смотрел на хозяина исподлобья.

– И все равно это не повод вести себя неучтиво.

Ганцалин, как-то по-кошачьи фыркнув, отпустил даму и отступил на два шага назад. Она с некоторым испугом стала щупать свои запястья, словно боясь, что после железных объятий китайца может и вовсе остаться без рук.

– Не беспокойтесь, – пробурчал китаец, – я держал мягко, даже синяков не останется.

Нестор Васильевич при этих словах нахмурился и строго спросил, не желает ли Ганцалин извиниться перед их гостьей за свое безобразное поведение?

– Не желаю, – коротко отвечал грубиян и, ничего больше не говоря, сердито скрылся в недрах жилища.

Загорский только головой покачал, после чего обратил взор на даму.

– Прошу вас, сударыня, простить моего помощника. Однако обстоятельства наши действительно несколько неординарные. Вся штука в том, что не так давно мы подверглись нападению... – Он качнул рукой на перевязи. – Теперь вот вынуждены принимать меры предосторожности. Впрочем, это никого не должно беспокоить, это касается только нас с моим Ганцалином. Итак, с кем имею удовольствие?

Дама улыбнулась ему, но улыбка вышла у нее какой-то жалкой, беспокойной. Вообще, она имела вид человека образованного, но уверенного в себе и без привычки к истерикам, которые так часты в России в интеллигентном сословии. Тем удивительнее было видеть ее робость и даже страх. Правда, со страхом этим она справилась очень быстро и спустя несколько секунд уже смотрела на статского советника прямо и спокойно.

– Я – Анна Тимофеевна Карпова, – сказала она просто.

Нестор Васильевич слегка наморщил лоб, словно что-то вспоминая.

– Карпова? – переспросил он. – Не родственница ли вы действительного статского советника историка Геннадия Федоровича Карпова?

– Я его вдова, – отвечала гостя.

Загорский приветливо улыбнулся.

– Очень рад вашему визиту, – проговорил он, – я очень ценил профессора Карпова. Однако же тут, на лестнице, не слишком удобно разговаривать. Могу я пригласить вас в мой кабинет?

Она кивнула, и статский советник пошел впереди, указывая путь. Спустя минуту они были уже в кабинете Загорского. Размерами он мог поспорить с хорошей гостиной и больше подходил какому-нибудь университетскому профессору, а не дипломату. Рядом с полукруглым окном, которое сейчас было плотно задернуто шторами, располагался дубовый письменный стол с лампой под зеленым абажуром. На столе, кроме того, стояла чернильница, стакан с остро очиненными карандашами, лежала толстая стопка писчей бумаги и пухлый кожаный блокнот. В кабинете имелся бежевый диван, на котором одинаково удобно было как сидеть, так и спать, и пара бежевых кресел. По стенам уходили в потолок высокие книжные шкафы с бесчисленными томами; чаще всего встречались тут книги на английском и китайском языках. В целом же в кабинете царил атмосфера деловитого удобства.

По молчаливому приглашению хозяина Анна Тимофеевна уселась в кресло, сам Загорский поместился напротив нее на вращающемся стуле из тех, что так легко опрокидываются вместе с сидящим на них человеком.

– Прошу простить, что принимаю вас в кабинете, однако в гостиной много окон, и сидеть там сейчас небезопасно – могут подстрелить, – сказал он, с любопытством глядя на гостью.

Карпова, которая, кажется, все еще не пришла в себя после неожиданного нападения Ганцалина, невольно поежилась: кто же именно может их подстрелить?

– Да кто угодно, – несколько беспечно отвечал статский советник. – Люди, видите ли, в средствах не стесняются. То есть, конечно, при большом желании вас могут и зарезать, и

удавить, и утопить, и из окна вытолкнуть – но подстрелить, на мой взгляд, все-таки проще всего.

Гостья поглядела на него озадаченно, не понимая, шутит Нестор Васильевич или говорит серьезно. Не зная, как начать разговор, осведомилась осторожно, где же все его слуги?

– Слуг я временно отослал – как раз чтобы не перестреляли их всех, как куропаток, – отвечал хозяин. – Тут случилась некоторая заварушка, и держать их дома было бы опасно для их здоровья. Мы с Ганцзалином, как вы уже, наверное, поняли, ждем недобрых гостей и вынуждены были принять некоторые меры предосторожности.

Карпова погрустнела. Если так и если жизнь господина Загорского под угрозой, вероятно, ее просьбу исполнить он не сможет. Нестор Васильевич неожиданно усмехнулся: пусть Анна Тимофеевна скажет сначала, что за просьба, а там уж видно будет, можно ее исполнить или нельзя.

– Просьба моя касается брата моего, Саввы Тимофеевича Морозова, – начала гостья. – Это московский купец и промышленник, вы, верно, слышали про него...

Нестор Васильевич кивнул: про Савву Тимофеевича он, разумеется, слышал. Однако Карпова внезапно умолкла и теперь молчала, глядя куда-то в сторону. Статский советник терпеливо ждал.

Анна Тимофеевна наконец вздохнула и посмотрела на него. Как же ей быть теперь, она даже не знает, с чего именно начать разговор.

– Начинайте с главного, – посоветовал Загорский. – Это беспроеигрышный способ.

Если с главного, то брата ее, известного промышленника Савву Морозова, хотят убить злые люди...

– Понимаю, – улыбнулся Загорский. – Опасаться обычно следует как раз добрых людей. Но, впрочем, и злые способны доставить некоторые неприятности.

– Вы шутите? – спросила сбитая с толку гостья.

– Почти что нет, – отвечал статский советник. – Но, впрочем, это не так важно. Прошу вас, продолжайте.

* * *

Народу в знаменитом ресторане «Палкин» было немного – публика только-только начала собираться к обеду.

Загорский, хмурясь, поглядывал на часы: они показывали четверть первого, один из богатейших людей России запаздывал на встречу самым безбожным образом. Что ж, подождем еще пять минут – да и пойдем по своим делам. В конце концов, это ведь не он обратился к Морозову с просьбой. Конечно, ждать хорошего воспитания от купчины не приходится... А впрочем, почему бы и не ждать? Купцы первой, да и второй, гильдии давно уже не ходят в поддевках, а, напротив, одеваются у лучших портных, учат языки и детям своим дают наилучшее образование вместе с дворянскими отпрысками. Так почему бы, скажите, и не ждать от современного купчины благородных манер?

С другой стороны, раз уж он оказался в «Палкине», грех не пообедать. Тем более сейчас, когда дома живут только сам Загорский и его верный помощник. Из соображений безопасности всех остальных слуг он из дома удалил, так что Ганцзалин теперь и швец, и жнец, и на дуде игрец. Однако, несмотря на его китайское происхождение, повар из помощника неважнецкий. Правда, оплошности свои он весьма остроумно оправдывает отсутствием в России настоящих китайских ингредиентов. Вот только Нестору Васильевичу почему-то кажется, что ингредиенты тут ни при чем, дело совсем не в ингредиентах.

– Твоя страпня и в Китае была бы так же ужасна, – попенял Ганцзалину статский советник.

– Это еще бабушка натрое сказала, – отвечал китаец, как всегда переврав пословицу.

Так или иначе, давиться ганцзалиновской стряпней – не русской и не китайской – Загорскому изрядно надоело, так что он был даже рад, что зашел в ресторан. Как говорят англичане, если вам достался лимон, сделайте из него лимонад. Даже если Морозов не явится на randevу, можно будет, по крайней мере, прилично пообедать. А стряпню Ганцзалина пусть лопают сам Ганцзалин!

– Любезный. – Статский советник поднял правую, здоровую руку, и в ту же секунду к нему подскочил расторопный официант.

Загорский начал уже было называть блюда – тартар, салат оливье, томленные щи по-старорусски, – как в зале появилась невысокая коренастая фигура.

Ага, сказал себе Нестор Васильевич, издали разглядев татарское плоское лицо и азиатский прищур глаз, явился – не запылится. Морозов, видно, знал, как выглядит Загорский, потому что, окинув взглядом зал, без сомнений двинулся прямо к нему. Что ж, господин мануфактур-советник⁷, я вас ждал, теперь придется подождать и вам. И, не обращая никакого внимания на подошедшего к столу миллионера, продолжал подчеркнуто неторопливо листать меню... Когда наконец официант отошел, Нестор Васильевич поднял на купца равнодушный взор и смотрел на него теперь без всякого интереса.

Впрочем, равнодушие его было напускным – фигура Морозова способна была вызвать интерес и у менее любознательного человека, чем статский советник. Миллионер, меценат, благотворитель, человек расчетливый, но способный на необыкновенную щедрость, старообрядец по рождению, а по убеждениям – почти либерал, ярый поклонник научно-технического прогресса, Савва Тимофеевич будил воображение не только в праздных умах обывателей, но и в среде аристократии.

Из уст в уста передавалась история, когда московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович выразил желание поглядеть новый дом мануфактур-советника на Спиридоновке, спроектированный знаменитым архитектором Шехтелем и поражавший роскошью всю Москву. Морозов, разумеется, не возражал. Однако, когда великий князь явился в гости, дома он Савву Тимофеевича не застал – тот демонстративно уехал на Никольскую мануфактуру, которой управлял после смерти отца, Тимофея Саввича.

Когда фраппированные знакомые попрекнули мануфактур-советника за то, что он так невежливо обошелся с генерал-губернатором, тот отвечал, что Сергей Александрович желал увидеть вовсе не его, Савву Морозова, а лишь его дом. И таким образом, вполне смог исполнить свое желание. К чести великого князя следует сказать, что он на Морозова не обиделся и даже вошел с ним в приятельские отношения, которые продолжались вплоть до трагической гибели генерал-губернатора от бомбы, брошенной террористом Иваном Каляевым.

Под стать Морозову была и его жена, Зинаида Григорьевна. Начать с того хотя бы, что, прежде чем выйти за Савву Тимофеевича, она была замужем за его племянником. Однако это не помешало ей бросить первого мужа и выйти за мануфактур-советника – дело в старообрядческих семьях почти фантастическое. Впрочем, новые купцы из числа старообрядцев уже не так крепки были в вере, а некоторые и вовсе о ней не вспоминали. Тот же самый Савва Тимофеевич, как известно, говорил: «Меня гимназия научила курить и в Бога не верить».

Что же касается Зинаиды Григорьевны, то сия экстравагантная особа на Нижегородской ярмарке ухитрилась выйти на бал в платье, шлейф которого оказался длиннее платья царицы Александры Федоровны. Мало того, Морозова украсилась еще и брильянтовой диадемой, чрезвычайно похожей на корону, которую носила Ее Императорское Величество. Говорят, импе-

⁷ Мануфактур-советник – почетное звание, учрежденное Александром I и дававшееся владельцам крупных промышленных предприятий и купцам.

ратрица было сильно задета таким поведением Морозовой, которая, как ни крути, была всего-навсего купчихой.

Вероятно, именно осознание того, что она купчиха и, несмотря ни на какие миллионы, не сравняется с аристократами, толкало самолюбивую Зинаиду Григорьевну на разные размашистые, но дурновкусные поступки. Модный мужицкий писатель Максим Горький, близко друживший с Морозовым, рассказывал налево и направо, что будуар Зинаиды Григорьевны забит, как беличья нора, фарфором и необыкновенно дорогими китайскими безделушками. Бессмысленное тщеславие жены раздражало Морозова, однако он и сам был самолюбив. Ему не раз предлагали дворянство, но он от этой подачки отказывался. В деятельном купеческом сословии видел он достоинства не меньше, а может быть и больше, чем во всех сиятельных аристократах, вместе взятых.

И все же положение его было странным, межеумочным. Пожалованное ему высочайшим указом звание мануфактур-советника, по виду почетное, в Табели о рангах соответствовало всего-навсего коллежскому асессору или ротмистру в кавалерии, в то время как, например, статский советник Загорский носил на себе почти генеральский чин.

Человек не только очень богатый, но также и хорошо образованный, любивший литературу, музыку, живопись и театр, со стороны высшего света Морозов чувствовал лишь пренебрежение, сложным образом перемешанное с любопытством, которое испытывает естествоиспытатель, глядя на диковинное насекомое. С пренебрежением этим он учился бороться разными способами – от резких отповедей и язвительных замечаний в адрес недругов до ернического смирения, которое, как легко догадаться, было паче гордости.

Сейчас, глядя в лицо мануфактур-советника, Загорский читал в нем все вышеперечисленное и еще какой-то странный, глубоко спрятанный надлом. Ему на миг вдруг стало жалко этого очень богатого и не очень, кажется, счастливого человека.

– Господин Морозов, я полагаю? – спросил он, слегка наклоняя голову.

Мануфактур-советник угодливо поклонился, лицо его расплылось в неожиданно елейной улыбке.

– Простите, что отвлекаю от обеда-с. Если не вовремя-с, так я могу и в другой раз.

– Отчего же, – сдержанно отвечал статский советник и кивнул на стоявший за столиком свободный стул. – Прошу садиться.

– Душевно благодарен вам за ваше снисхождение-с. – Савва Тимофеевич, посверкивая хитрыми монгольскими глазками, опустил упитанное тело точно в стул.

Подоспевший официант с поклоном положил перед ним меню.

– Мне того же-с, что и его высокородию, – подобострастно проговорил Морозов, одаривая Загорского и официанта одинаково глуповатой улыбкой.

Официант несколько озадаченно кивнул и растворился в белоснежном накрахмаленном воздухе ресторана.

– Итак, – проговорил статский советник, – кто же именно хочет вас убить?

Морозов заморгал небольшими своими (почти свинячьими, подумал Загорский) глазками, приподнял бровки, изобразил изумление. Какое, позвольте, убить, откуда это и почему убить? Кому он нужен, человечешко мелкий, неинтересный, совсем неавантажный. Говорите, сестра сказала? Да что ж сестра, она и не то еще соврет – известно, дура-баба, ум-то куриный.

– Ну да, – кивнул статский советник. – И вы ехали в Петербург из Москвы затем только, чтобы сообщить мне, что сестра ваша, между прочим почетный член Московского общества истории и древностей, дура-баба и курица? Не слишком ли расточительная трата времени и сил для делового человека?

Морозов моргнул и заявил, что бешеной собаке семь верст не крюк и он еще бы дальше поехал, лишь бы понравиться важной персоне вроде господина Загорского. Сестра – что ж, без

всякого его согласия беспокоила Нестора Васильевича, он уже ей ижицу-то пропишет, чтоб не своевольничала... Баба – человек совсем без понятия, куда ей соваться в мужские дела?!

– Послушайте, господин мануфактур-советник, – мягко прервал его Загорский, – я знаю, что вы какое-то время содержали Художественный общедоступный театр господ Станиславского и Немировича-Данченко. Видимо, там вы набрались разных актерских хитростей и почему-то решили, что сейчас самое время изобразить передо мной какого-то темного купчишку. Так вот, я вам заявляю, что мне это совершенно неинтересно. Вы – человек хорошо образованный, окончили Московский университет, учились также в Манчестере и Кембридже. Такой человек не может быть дураком – так зачем же изображать из себя дурака? Актерство в жизни, по моему глубокому убеждению, – это фальшь и обман. Скажу вам больше: несмотря на вашу весьма недурную деловую репутацию, ваша персона не вызывает у меня никакого сочувствия.

– Чем же вам моя репутация не нравится? – неожиданно заинтересовался Савва Тимофеевич, забыв о гаерской манере изъясняться.

– Я не говорил, что репутация не нравится, – поморщился статский советник. – Репутация ваша как раз вопросов не вызывает. Другое дело, насколько можно ей верить, этой репутации? Нынче репутации делаются так же лихо, как прически, только денег требуют больше. Мне скорее уж не нравится сама ваша персона. И вовсе не потому, что вы происходите из низов и, как всякий фабрикант, эксплуатируете рабочих вашей мануфактуры. Вы мне не нравитесь по одной простой причине – вы финансировали российских социал-демократов, людей опасных и жестоких. Впрочем, полагаю, что вы делали это из лучших побуждений. Но, как гласит поговорка, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, и вы почувствовали это на собственной шкуре. Что ж, господин мануфактур-советник, если вы не хотите рассказывать о сути вашего дела, в таком случае я расскажу о нем сам...

Официант принес вино, откупорил бутылку и разлил по бокалам. Загорский отпил из своего и поставил бокал на стол. Морозов даже не шелохнулся и лишь, не отрывая глаз, смотрел на собеседника.

– Итак, вы разошлись с вашими недавними друзьями, вы перестали давать им деньги на их революцию, а на самом деле на хаос и преступления против Российской империи. – Загорский сейчас смотрел на собеседника так же внимательно, как и тот на него. – Социал-демократам ваша строптивость чрезвычайно не понравилась, и они решили на вас надавить. Человек вы неподатливый и давления не любите, поэтому тут, как сказал бы мой помощник, нашла коса на камень. Однако русские марксисты – люди безнравственные и готовые на все. Поняв, что мытьем, то есть убеждением, деньги из вас не выбить, они решили сделать это катаньем – то есть запугать. Если надо, они готовы вас даже убить, не так ли?

Морозов с неожиданным равнодушием пожал плечами: что ж, убьют так убьют.

– Ну да, – кивнул Загорский, – смерти вы не особенно боитесь. Вы человек не юный, разного повидали. Подозреваю, что в людях и в обществе вы разочаровались – дело известное для людей вашего психического типа. Однако, кроме собственно купца Морозова, который, будем считать, не так уж дорог себе самому, есть еще какое-то количество людей, которые ему дороги: брат, сестры, жена, дети, наконец. И большевики – а вы якшались именно с ними – так вот, большевики, конечно, достаточно умны, чтобы это понимать. У господина Морозова слишком много имеется ахиллесовых пят – и вот на них-то бывшие его друзья и намерены давить, не так ли?

Морозов молчал. Лицо его роковым образом переменялось: из монгольской хитровато-глуповатой маски сделалось вдруг трагическим и незащищенным. Он уперся локтями в стол, упрятал лицо в ладони, сидел не шевелясь.

– Что у вас с рукой? – внезапно спросил он, не поднимая глаз на статского советника.

– Привет от ваших знакомцев, марксистов-большевиков, – отвечал тот иронически. – Впрочем, оставим в покое мою скромную персону, поговорим о вас.

Морозов только руками развел: статский советник совершенно прав. Дело обстоит именно так, как и сказал Загорский... Однако откуда он все это знает?

– Не бином Ньютона, – отвечал Загорский. – Вы, может быть, думали, что, давая деньги из рук в руки большевику Красину, вы гарантировали себе анонимность? Если так, спешу вас разочаровать. На вас в Особом отделе департамента полиции имеется особая же папочка. Но дело даже не в полицейских папочках, это информация секретная, для служебного пользования. Молва, слухи – вот что вернее всего вытаскивает на свет любое дело и любого деятеля. Социал-демократы – не единственная партия, которую вы финансировали, но самая опасная и общественно вредная. Именно их мы должны благодарить за 9 января и за всю ту смуту, в которую медленно, но верно погружается сейчас Российская империя.

Принесли щи. Морозов, однако, даже не взглянул на еду. Он откинулся на стуле и глядел теперь на статского советника со странным выражением.

– Вы полагаете, что болото, в котором пребывает сейчас Россия, – это нормальное состояние для великого государства? – спросил он неожиданно желчно.

Статский советник отвечал, что, каким бы ни было болото, в нем всегда возможна жизнь. А вот в пожаре революции никакой жизни быть не может. Тем более когда пожар этот разводят большевики.

– Вы читали главаря марксистов Ульянова-Ленина? – поинтересовался Нестор Васильевич, пробуя тартар.

Савва Тимофеевич кивнул: оригинальный господин, большой мастер политической ругани. Загорский нахмурился, отложил вилку.

– Этот, как вы говорите, оригинальный господин даже среди своих соратников слывет человеком крайне решительным и несентиментальным. Переводя на русский язык, это значит, что он жесток и ради достижения цели не остановится ни перед чем. Британский демограф Мальтус беспокоился, что рост народонаселения приведет к обнищанию и всеобщему голоду. Так вот, революция в исполнении Ленина легко решит вопрос любой перенаселенности. Я предвижу поистине миллионные гекатомбы, которые будут принесены этому страшному идолу!

Если бы в ресторане сидел сейчас Ганцалин, он бы сильно удивился. Господин его, всегда такой спокойный и выдержанный, сейчас буквально кипел от едва сдерживаемой ярости. Говорил он негромко, но речь его полна была такого огня, что на них стали оглядываться другие посетители, сидевшие в зале. Заметив это, статский советник тут же умолк, и только медленно затухающее пламя в его глазах говорило о том, что еще полминуты назад здесь едва не случилось извержение вулкана.

Уже совершенно спокойным голосом Загорский заметил, что на встречу с Морозовым он согласился только потому, что у них теперь общий противник, хотя противника этого, будем откровенны, вырастил сам Савва Тимофеевич, регулярно давая ему деньги на всякие грязные делишки. Впрочем, кто старое помянет, тому глаз вон. А теперь вот что. Несмотря на то что у них есть готовая версия, кто бы мог покуситься на жизнь мануфактур-советника, нужно быть добросовестными и рассмотреть все возможные варианты.

– Перед тем как идти дальше, хотел бы спросить одну вещь, – осторожно проговорил Морозов. – Вы ведь, наверное, берете солидный гонорар за свои услуги?

– Можете даже не сомневаться, – Нестор Васильевич неожиданно развеселился.

Так же осторожно Морозов осведомился, сколько же именно он возьмет.

– А вам не все равно? – усмехнулся статский советник. – Выбора у вас нет: или погибнуть, или заплатить столько, сколько я спрошу.

Савва Тимофеевич кивнул – это верно, однако если господин Загорский запросит, например, миллион...

– Я не запрошу миллиона, – перебил его Нестор Васильевич. – Сколько вы платили большевикам?

– 20 тысяч в год, – отвечал Морозов с некоторой запинкой.

Вот и ему заплатит столько же. Только не за год, а сразу. Савва Тимофеевич кивнул: это справедливо. Сколько же составит аванс?

– Никакого аванса, – отвечал Загорский решительно, – я возьму всю сумму целиком. Но возьму только после того, как дело будет завершено и опасность минует. Я, видите ли, человек добросовестный, и, когда вас убьют, мне будет неприятно думать, что я взял деньги за дело, которого не смог исполнить.

Морозов от изумления только рот открыл.

– Вы сказали, когда меня убьют... Так, значит, вы полагаете, что меня все-таки убьют?

– Всенепременно, и весьма жестоко притом, – спокойно отвечал статский советник. – И все потому, что вы не желаете быть со мной до конца откровенным и скрываете от меня что-то важное.

– Что же важное могу я скрывать? – развел руками Морозов с совершенно невинным видом.

Загорский отвечал, что он этого знать не может. Однако штатский, который носит с собой пистолет, очевидно, не в ладах с окружающей действительностью. Савва Тимофеевич изумился: как Нестор Васильевич узнал о пистолете?

– Ничего нет проще, – нетерпеливо отвечал статский советник. – Вы все время бросаете взгляды по сторонам и, сами того не сознавая, незаметно касаетесь кармана рукой. Если бы вы были чуть победнее, я бы заподозрил, что у вас в пиджаке бумажник. Однако вы человек, я бы сказал, нечеловечески богатый, и потеря бумажника вас беспокоить не должна. А вот к оружию вы непривычны, оно вас будоражит и отвлекает на себя часть вашего внимания. Итак, расскажите мне обо всем, что может служить источником хоть какой-то, пусть даже самой призрачной для вас опасности.

Морозов несколько секунд глядел на Загорского, потом кивнул.

– Вы позволите и мне промочить горло? – спросил он, берясь за бокал.

– Ну, если вы заплатите за обед... – пожал плечами Загорский.

Савва Тимофеевич неуверенно засмеялся. Все-таки его высокородие удивительный господин. Только что он решил не брать многотысячного аванса и тут же требует, чтобы было оплачено копеечное вино. Нестор Васильевич отвечал, что вино вовсе не копеечное, это красное бордо, которое идет по три рубля за бутылку. А впрочем, мануфактур-советник прав, и ему совершенно все равно, кто заплатит за обед, просто он хотел ободрить Савву Тимофеевича: наверняка тот привык платить за все обеды, которые проходят при его участии. Зачем же лишать его такого удовольствия в этот раз?

Морозов улыбнулся, с неожиданной симпатией глядя на статского советника.

– У вас, господин Загорский, отменное чувство юмора. С вами приятно иметь дело. Пожалуй, я согласен на все ваши условия и расскажу обо всем, что только может вам помочь.

Он откашлялся и отпил немного вина.

– Это был конец 1897 года. Общественная деятельность мне наскучила, я совершенно охладел к жене и искал, что называется, интеллигентную содержанку...

Глава вторая. Взыскание долга

Извозчикий возок, скрипнув полозьями по свежавыпавшему белому снегу, выскочил из вечерней темноты и лихо остановился возле роскошного, ярко освещенного особняка на Спиридоновке. Из него вылезли два человека, оба в теплых шубах. Бобровые воротники их, как у пушкинского Онегина, серебрились под луной морозной пылью. Первый был стройный, уса-тый, благородного вида, лет, вероятно, тридцати пяти, с пегими от начинающейся седины воло-сами, другой чуть постарше, с темной шевелюрой и бородой, расчесанной на две стороны.

– Внушительное здание, – заметил уса-тый, озирая особняк.

– Да, Шехтель постарался, – кивнул тот, который с бородой. – Говорят, внутри – красота необыкновенная.

– А вы что же, Владимир Иванович, не были там еще?

– Да когда же мне там бывать, если дом еще не достроен. Кое-где до сих пор отделочные работы идут.

– И что, Савва Тимофеевич уже живет там?

– Да, он первый въехал. Дети и Зинаида Григорьевна пока в Трехсвятительском, но не сегодня-завтра должны перебраться.

Беседуя так, они вошли во двор и приблизились к парадному входу. Уса-тый вдруг оста-новился и закусил губу.

– Волнуетесь? – понимающе спросил его Владимир Иванович.

– Необыкновенно, – признался собеседник. – Сами посудите, мы обращались ко всем, к кому только можно, вплоть до великой княгини, и собрали все мыслимые деньги. Но их все равно катастрофически не хватает. Если сейчас мы не уговорим Савву Тимофеевича, наше предприятие погибнет. А часть денег уже потрачена, мы окажемся банкротами. Потеряем не только честь нашу, но и, что хуже, великую мечту... Пока мы стоим здесь, у нас еще есть надежда. Но если Морозов нам откажет – тогда хоть в петлю.

Владимир Иванович невесело покачал головой: но ведь назад хода все равно нет. Уса-тый кивнул – назад хода нет. Надо идти, класть голову на плаху. Может быть, Савва Тимофе-евич будет милосерден и отрубит ее сразу, а не станет мучительно пилить понемногу, то давая надежду, то отбирая ее.

Перед тем как позвонить в дом, Владимир Иванович предупредил:

– Разговор начну я, а вы, Константин Сергеевич, ничему не удивляйтесь.

Уса-тый Константин Сергеевич только мрачно кивнул: как вам будет угодно.

На звонок из тяжелой двери выглянул слуга, поклонился:

– Чем могу-с?

– Доложи-ка, братец, что к Савве Тимофеевичу приехали господа Станиславский и Неми-рович-Данченко, – доброжелательно, хоть и несколько свысока велел бородатый.

– Слушаю-с, – слуга снова поклонился, открыл двери перед гостями. – Прошу.

Войдя в дом, они задрали головы и застыли в оцепенении. Дом изнутри был охвачен золотым сиянием, в электрическом свете загадочно голубели изукрашенные стены.

– М-да, – наконец проговорил Станиславский, – это не дом, это какое-то палаццо вене-цианских дождей. Роскошь неимоверная.

– Скорее уж пещера Аладдина, – отвечал Немирович, оглаживая бороду. – Впрочем, официально, кажется, все это называется модерн и английская неоготика.

– Чувствую, ничего мы здесь не получим, – хмуро заметил Станиславский. – Вероятно, все деньги хозяин потратил на обустройство своего дворца. Ах, Владимир Иванович, как же это будет плохо! Не знаю, как для вас, а для меня остаться без театра – смерти подобно. А впрочем, я все уже сказал. Положимся же на волю Божью, а там будь что будет.

Немирович, однако, просил его не волноваться раньше времени – есть у него кое-какие аргументы для Саввы Тимофеевича. Спустя пару минут явился и сам Морозов – в домашнем халате, но в выходных туфлях. Его узкие монгольские глаза сияли любопытством и, как показалось гостям, удовольствием. Мануфактур-советник был человек увлекающийся и неравнодушный к славе, а о Немировиче и Станиславском, а больше всего о создаваемом ими Общедоступном театре давно уже ходили по Москве самые интригующие слухи.

Прошли в гостиную, гости расположились на креслах, хозяин же уселся на стул, лицо его выражало какой-то лукавый интерес, как будто бы он уже догадался, зачем пришли неожиданные гости. Догадаться, впрочем, было немудрено: к миллионщику Морозову люди ходили обычно за одним – за деньгами. Это обыкновение окружающих мануфактур-советник принимал философски, хотя иногда оно вызывало у него раздражение, и тогда просители уходили не только без денег, но и с серьезным моральным ущербом.

– Кто мне поперек дороги станет – перееду не задумываясь, – говаривал он иногда.

Впрочем, это была чистая риторика: несмотря на силу свою и могущество, никого Савва Тимофеевич до сих пор, кажется, так и не переехал, хотя имел для этого все возможности. Если уж человек совсем ему не нравился, Морозов использовал сарказм и яд, которого в нем хватило бы на добрую ехидну. Правда, людей искусства это обычно не касалось, их он любил, к ним был ласков, терпелив, а на некоторых смотрел даже снизу вверх. Однако любовь любовью, а денежки, известное дело, врозь.

– Так чем обязан, господа? – спросил он, поглядывая на гостей сквозь лукавые и узкие свои, словно бойницы, глаза, которые на полном его лице казались еще уже и еще лукавее.

– Мы к вам, Савва Тимофеевич, за долгом явились, – степенно проговорил Немирович и огладил бороду, словно старинный купец из какой-то оперы.

Горизонтальная морщина пересекла лоб мануфактур-советника.

– За долгом? – спросил он с недоумением. – Извольте, господа. Хотя, воля ваша, я что-то не припомню никакого долга...

– Ну как же не припомните, – с шутилой укоризной попенял ему Владимир Иванович. – Года два назад был благотворительный спектакль, где я с учениками ставил пьесу «Три смерти». Мы с вами тогда случайно пересеклись, и я вам предложил взять у меня два билета. Вы с охотой их приняли, но оговорились, что у вас нет с собой денег. Я тогда ответил: «Пожалуйста, пусть десять рублей будут за вами; все-таки довольно любопытно, что мне, так сказать, интеллигентному пролетарию, миллионер Морозов состоит должником».

Морозов весело кивнул: да, теперь он припоминает. И что же, какой за два года вырос процент на этот долг?

– Ну, это уж как вы сами решите, – отвечал Немирович. – Вы, наверное, слышали, что мы с Константином Сергеевичем устроили Общедоступно-художественный театр?

Морозов, разумеется, слышал.

– Так вот, – продолжал Немирович, – в целом и главном театр, можно сказать, готов. Не хватает сущей мелочи – денег на его обустройство и функционирование.

Савва Тимофеевич засмеялся: в любом хорошем деле почему-то всегда как раз именно этой мелочи и недостает. Однако слышно было, что они организовали товарищество Художественного театра и собирали деньги с богатых людей.

– Было дело, – вступил в беседу Станиславский. – Однако же богатые люди оказались недостаточно богаты, чтобы обеспечить наше предприятие. И тут Владимир Иванович и вспомнил про тот старый должок...

Морозов покивал головой понимающе, но больше уж не улыбался. Внимательно поглядел на Станиславского: почему же Константин Сергеевич, будучи купцом и солидным человеком, сам не вложится в это дело?

Станиславский отвечал, что вложиться-то он вложил, однако свободных средств у него недостаточно. Есть, правда, деньги, отложенные для детей, но те он по понятным причинам трогать не может. В остальном же – не тот масштаб. Для такого дела нужен подлинный размах, который, как выяснилось, обеспечить может только истинный меценат.

– Надо думать, что истинный меценат – это я? – хитрые глазки Морозова как-то сузились.

– Именно так, – отвечал Станиславский. Тут тон его переменялся, и он заговорил быстро и страстно: – Прости, Савва, что я на «ты», но мы ведь учились вместе, вместе играли в любительских спектаклях, я помню, как ты обожал театр. А сейчас такое дело затевается, мимо которого никак нельзя пройти. Первый общедоступный театр, планируем делать там такие цены, чтобы хватало не только людям обеспеченным, но и интеллигенции, и даже студентам. И чтоб сидели они не на галерке, как тараканы, а тоже в первых рядах.

– То есть, значит, их превосходительства будут сидеть возле сцены, а рядом с ними – студенты и всякие разночинцы? – прищурился Савва.

– Выходит, так, – твердо отвечал Станиславский.

Морозов хмыкнул, потом, ничего не говоря, развернулся и вышел из гостиной.

– Ну вот и поговорили, – на лицо Станиславского жалко было смотреть. – Надо было мне молчать. Вы, Владимир Иванович, человек дипломатичный. А я, видно, задел его своими демократическими речами.

– Не вините себя, Константин Сергеевич, – отвечал Немирович. – Дело ведь не во мне и не в вас. Дело в том, хочет ли человек давать деньги на новое, никому не известное предприятие.

– Если другие не хотят, почему же бы ему хотеть?

Тут дверь открылась, и вошел Савва Тимофеевич. Вытащил из кармана халата десятирублевую ассигнацию, протянул Немировичу.

– Я человек порядочный и не привык оставаться в долгу. Вот вам, Владимир Иванович, ваши деньги. Что же до остального...

Тут он сделал извиняющуюся паузу и развел руками.

– Понимаю, – печально сказал Немирович, и ассигнация дрогнула в его руке. – Нет денег.

– Денег у делового человека никогда нет, – веско отвечал Савва Тимофеевич.

Станиславский и Немирович молча поднялись, вид у них был обреченный.

– Что ж... Простите за беспокойство, господин мануфактур-советник, мы, с вашего позволения, откланиваемся.

И они молча направились к выходу.

– Теперь хоть в петлю лезь, – деревянным голосом сказал Станиславский Немировичу, открывая перед ним тяжелую дверь гостиной.

Сказал он это негромко, но Морозов, имевший лисий слух, все-таки услышал. На лице его заиграла озорная улыбка.

– Подождите, господа...

Они замерли.

– Зачем же сразу в петлю, – примирительно продолжал Савва Тимофеевич. – Конечно, свободных денег у промышленника никогда не бывает. Однако для предприятия по-настоящему хорошего некоторую сумму найти можно. Вот только надо сначала сесть рядом и поговорить ладком. Или, говоря по-человечески, провести беседу деловую, предметную...

Беседа для основателей Художественного театра прошла необыкновенно удачно. Савве Морозову многое понравилось в создаваемом театре. И то, что будет он общедоступным, и то, что делалась в нем ставка на реализм – от манеры игры и до реквизита, никакой бутафории. Но, пожалуй, больше всего его привлекло, что театр собирался рассказывать новым языком о сегодняшнем дне. Таким образом, Морозов с охотой внес пять тысяч рублей и вошел в число пайщиков. Впрочем, это было только начало.

* * *

– Не могу я вам передать, как мне понравилось все это дело, – мануфактур-советник глядел куда-то мимо Загорского, в одному ему видимую даль. Официант только что откупорил им третью бутылку. – Я в этом театре почувствовал нечто особенное, небывалое, если хотите, продолженное в вечность. Мы, купцы, люди приземленные, практические, нам нужно видеть результат. А тут какой же может быть результат? Театр – вещь эфемерная, кончилось представление, и все тоже кончилось. Но при всем при том театр имеет какое-то особенное очарование, какого не имеет никакой другой вид искусства. Я не понаслышке это говорю. Я с детства в домашнем театре играл, и в юности тоже, и на мануфактуре у себя театр завел. Художественный не первый был театр, которому я помог. Но, однако, он первый вызвал у меня такие сильные чувства.

– Да, Московский Художественный театр – заведение весьма недурное, – согласился Нестор Васильевич. – Но достаточно ли этого для того, чтобы взять его на полное обеспечение? Ведь вы, насколько я понимаю, несколько лет его финансировали, не говоря уже о том, что построили для него целое здание в Камергерском.

Морозов грустно улыбнулся. Он не только здание построил, не только финансировал все дело, он в театре работал всем, от директора до простого маляра. А если бы понадобилось, он бы все свои деньги отдал театру – такую страсть вызвало в нем это предприятие.

Загорский только головой покачал. Выходит, искал Морозов интеллигентную содержание, а вместо этого взял на содержание целый театр?

– Да, – засмеялся Савва Тимофеевич, – так, видно, оно и выходит.

Однако, как уже говорилось, это было только начало сложных и запутанных отношений Морозова с театром. Все зашаталось, когда в отношения эти совершенно неожиданно вмешалась женщина. Звали ее Мария Андреева, и была она актрисой Художественного театра. Строго говоря, она была не Андреевой даже, а Желябужской по мужу, действительному статскому советнику, Андреева был ее сценический псевдоним.

– Но вашего положения, насколько я понимаю, это не облегчило, – заметил Загорский.

Морозов хмуро кивнул – не облегчило никак. Тут, впрочем, надо бы оговориться. О нем и Андреевой ходят разные лживые сплетни, в частности об их любовной связи...

– А в действительности связи не было? – поднял брови Нестор Васильевич. – Вас, вероятно, объединяла нежная товарищеская дружба, которая, надо полагать, нисколько не беспокоила ее мужа.

Савва Тимофеевич невесело усмехнулся: да нет, связь была, и меньше всего она походила на дружбу. Что же касается мужа, то Андреева не жила с ним уже какое-то время до их с Морозовым знакомства.

Нестор Васильевич покачал головой. Положительно, мануфактур-советник наивен, как младенец. Он когда-нибудь видел замужнюю женщину, которая, заводя интрижку, не скажет своему новому избраннику, что с мужем они давно чужие люди? Женщины знают, что мужчины – собственники и не очень любят делить свою собственность с другими.

Морозов засмеялся: пусть так. Но это, в конце концов, неважно. Важно, что поговаривали, будто вся помощь мануфактур-советника Художественному театру происходит потому только, что там служит его пассия Андреева. Однако же это не так. Во-первых, помогать театру он взялся еще до знакомства с Марией Федоровной. Во-вторых, ей самой он ничего не давал – кроме понятных в таком случае скромных подарков. Что же касается денег, то все они уходили прямо театру.

– Все ли? – переспросил статский советник. – А деньги, которые вы давали большевикам?

Савва Тимофеевич вздохнул: с большевиками совсем иная случилась история. Андреева познакомила его с Леонидом Красиным, талантливым и дельным инженером. Испытав его, Морозов остался чрезвычайно доволен его способностями и определил работать на свою мануфактуру. А деньги для социал-демократов он давал именно Красину, который, как оказалось, с 1903 года вошел в их ЦК, Андреева тут ни при чем.

Нестор Васильевич поднял брови.

– Андреева познакомила вас с Красиным, Андреева теперь сама член партии, и она, как вы говорите, тут ни при чем? Вы знаете, какая у нее партийная кличка? Товарищ Феномен. Эту кличку дал ей сам Ленин, а заслужить подобную оценку из его уст – дело весьма непростое. Насколько я могу судить, эта ваша Андреева крайне циничный и ловкий человек. Впрочем, вы, наверное, знаете это не хуже меня.

Савва Тимофеевич покачал головой. Не все так просто. Была бы Андреева обычной хищницей и охотницей за деньгами, он, Морозов, не оставался бы рядом с ней так долго. Нет, она очень талантливая актриса, необыкновенная женщина, да и человек неординарный.

В том, что Андреева – неординарный человек, Загорский ни секунды не сомневался. Худо было то, что неординарный этот человек служил дурному делу. И чем более неординарным человеком была избранница Морозова, тем больше от нее было вреда.

– Не все так просто, – повторил Морозов, но вид у него сделался обреченным.

Как, как объяснить этому статскому советнику, у которого за плечами, верно, пять веков потомственного дворянства, что такое для него была эта женщина – умная, одаренная, утонченная и, главное, любившая его, в этом он был уверен, любившая по-настоящему? С ней он чувствовал, что он человек, он мужчина, а не просто кошелек на ножках. Она не льстила ему, чтобы выжать из него деньги, и не глядела на него свысока, чтобы унижить. Боже мой, да все это было не так уж и важно, гораздо важнее было то, что он ее любил. Конечно, это звучит смешно после его рассказов про поиски интеллигентной содержанки, ну и пусть. Пусть, пусть он будет смешон, нелеп, он заслужил это, но любовь выше насмешки, выше унижений, ради любви и не то еще можно вытерпеть, лишь бы была она, эта любовь, лишь бы не прекращалась – никогда, никогда, или уж, во всяком случае, пока длится жизнь его. Она любила его, она даже танцевала для него, для него одного. Впрочем, говорят, Иродиада тоже танцевала для царя Ирода, а итогом было страшное – отрубленная голова Иоанна Крестителя. Ну да он не Креститель, а Андреева – не иудейская принцесса, так что голова его не лежит на блюде, а по-прежнему держится на его крепкой толстой шее.

Вот только, увы, любовь закончилась и закончилась гораздо раньше, чем жизнь. Андреева ушла от него, ушла к Максиму Горькому – и все в один миг рухнуло, все изничтожилось, и сейчас он один на обломках этой катастрофы пытается худо-бедно собрать себя по кусочкам.

– Так, значит, это она от вас ушла, а не наоборот?

Нестор Васильевич несколько секунд раздумывал. Вот оно в чем дело! Тут, оказывается, любовный треугольник, в котором, кроме Андреевой и Морозова, затесался еще и модный босяцкий литератор. Об этом, признаться, Загорский не знал. Наверняка о такой пикантной интриге в свое время говорила вся Москва, вот только он петербургский житель и за провинциальными, то есть московскими, новостями не следит. Позволено ли будет в таком случае спросить напрямик одну важную вещь?

Морозов махнул рукой: что там, спрашивайте.

– Вы, вероятно, до сих пор любите госпожу Андрееву?

Глава третья. Тайный агент с Хитровки

На улице медленно и как-то торжественно смеркалось. Солнце, которому давно бы уже пора было опуститься за горизонт, все не хотело уходить на покой, все пыталось сбежать из-под конвоя сереющих облаков, выглядывало из-за острых крыш, поблескивало в глаза прощально, но вело себя как известный господин из анекдота, который прощается, но никак не уйдет.

О господах этих Ника знала, впрочем, все больше по анекдотам. На Хитровке, где прошло ее детство, они почти не водились, а если и водились, то никак себя не обозначали, да никто и не интересовался особенно – в преступном сообществе, в бедности и голоде царит такой интернационал, который революционерам и не снился.

На Хитровке, расплзшейся по лицу Москвы, словно синяк по физиономии пьяной бабы, значение имела не национальность, и не происхождение даже, а почти исключительно род занятий. Бездомные, нищие, административно высланные и барышники составляли тут одно сословие, воры, карманники, крупные скупщики краденого – другое, беглые каторжники – третье, коты, то есть торговцы женщинами, и сами проститутки – четвертое, и так без конца.

Были тут, впрочем, и вполне законопослушные как будто специальности, например портные. Да и что, в самом деле, может быть преступного в работе портного – кража у клиента отреза материи? Ну, об этой возможности, кажется, знает и сам клиент и, неся заказ портному, уже готов на подобный убыток. Однако всякая честность кончается, когда являются воры с добычей, вываливают на куски рогожи украденные вещи, которые тут же и перешиваются – иной раз так, что даже хозяин, проносивший вещь бог весть сколько времени, никогда не узнает ее в лицо.

Ника была не из армии грязных хитровских младенцев, из которых дай бог один на десяток доживает до человеческого возраста, когда уже кормит не только себя, но и своих покровителей. Она попала на Хитровку уже довольно взрослой девочкой, ей было десять лет или около того, точнее определить сложно: она и до Хитровки отличалась невеликими размерами, а тут и вовсе сделалась мелочь мелочью, потому что где же на Хитровке можно человеку разжиться, если только он не вор и не беглый?

Родители у Ники не были ни жуликами, ни проститутками, как можно подумать, они были простыми мещанами, в поте лица своего добывавшими хлеб насущный. К несчастью, в один далеко не прекрасный день оба погибли при железнодорожной аварии, а ребенок остался сиротой. Возможно, взяли бы Нику в воспитательный дом, однако тут невесть откуда объявился ее дядя со стороны матери, Авессалом Валерианович Петухатый. Первоначально, согласно семейному преданию, фамилия эта звучала как Пятихатко, но потом каким-то чудесным образом, вероятнее всего небрежением письмоводителя, оформлявшего документы, извратила свою первоначальную природу и превратилась в Петухатого.

Дядя некогда был мелким чиновником, потом прошел по уголовному делу о незначительной растрате, отправлен был в места не столь отдаленные, а вернувшись оттуда, чиновником уже служить не мог и вообще оказался неспособен к любой сколько-нибудь осмысленной деятельности. Не имея средств, он не мог снимать квартиру для проживания и остался без крыши над головой, что при московском климате есть весьма серьезное испытание для любого человека, особенно же зимой. По счастью, дядю приютила сестра, то есть Никина мать, Арина Валериановна, и Петухатый стал жить нахлебником в их небольшой квартире, которую снимали они в доходном доме низшей категории.

Однако вскоре выяснилось, что жить вместе им затруднительно. Отец Ники был человеком исключительно трезвых взглядов на жизнь, Авессалом же Валерианович и в лучшие годы любил заложить за воротник, а после тяжелого и несправедливого поворота судьбы заделался величайшим поклонником зеленого змия. Если бы по этой традиционной русской забаве про-

водились соревнования, вполне мог бы претендовать на первые места в их доходном доме, где, кроме него, жило еще несколько сотен человек мужского пола, не говоря уже про женский, среди которых многие тоже не дураки выпить.

Со временем конфликт папаша и дядюшки достиг такого накала, что Петухатому пришлось собрать манатки и уйти в неизвестном направлении.

– Куда же ты теперь? – плакала мать, прощаясь с непутевым родственником.

– Вон из Москвы, – отвечал ей брат, в прежние времена любивший литературу и даже знавший наизусть некоторые особенно расхожие стихотворные перлы, – сюда я больше не езду. Бегу, не оглянувшись, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок! Карету мне, карету!

– Кареты не обещаю, но с лестницы спустить могу... – негромко бурчал папаша, человек куда более прозаический, чем его шурин.

Вот таким невеселым образом Петухатый покинул негостеприимные родственные пенаты. Однако не сгинул совсем и напроць, как можно было бы ожидать. Проходя курс тюремных наук, он овладел кое-какими навыками и наладил связи с полезными людьми. Эти-то люди и вывели его на знаменитую Хитровку – самое удивительное место в Москве, место, где находили приют и успокоение все, кто не смог найти себя в обычном обществе.

Что Петухатый делал на Хитровке и на какие именно шиши существовал, Ника, будучи ребенком, не знала и не особенно об этом задумывалась. Впрочем, раз в месяц Авессалом Валерианович появлялся у них в квартире и брал небольшую родственную мзду, которую неизменно называл вспомоществованием благородному человеку.

Мать незаметно совала ему в руку ассигнацию, целовала в пропахшую табаком небритую щеку, и Петухатый уходил с гордо поднятой головой. Отец только вздыхал, но от разоблачительных замечаний воздерживался.

И вот когда с родителями случилась ужасная беда, и Ника в один миг осталась круглой сиротой, и на горизонте замаячил призрак воспитательного учреждения, а там и почти непременно и работного дома, в биографию Никину неожиданно-негаданно вломился дядя, и все пошло совсем не так, как предполагали судьбы-мойры.

Дядя привел ее в свое постоянное обиталище, находилось оно в какой-то чудовищной ночлежке. Позже Ника узнала, что это был знаменитый дом Орлова на Хитровке. В доме этом в основном жили хитровские аристократы, то есть люди, не мавшие рук своих совсем уж отвратительными преступлениями.

– Вот это теперь и будет твой дом, твое, как сказал бы Пушкин, родное пепелище, – с гордостью провозгласил дядя.

Пепелище напугало Нику. До того они с родителями жили в пусть скромной, но чистой бедности, Петухатый же обретался в каком-то аду. Так, во всяком случае, поначалу показалось Нике, когда она только вошла в небольшую комнатку, где имелась всего одна полутораспальная кровать, фанерный шкаф с поперечными дырками, в которые выпадало тряпье немислимых расцветок и немислимой же ветхости, и еще трехногая, прислоненная к стене тумбочка, которую дядя использовал как письменный стол.

На кровати сидела гражданская жена дяди, которую звали Люсьеной. Люсьена была женщиной простой, толстой и доброй. Своих детей они с Авессаломом Валериановичем не прижили и Нику полюбили, как родную. Видимо, только этим можно объяснить тот факт, что Ника дожила до совершеннолетия и не стала жертвой пьяного растлителя и даже не сделалась проституткой, или, как говорил спившийся студент Карабанов, «общественной собственностью на средства производства». Первая часть выражения была, в общем, понятна, а что имел в виду под средствами производства Карабанов, не знал, кажется, даже он сам. Авессалом Валерианович, впрочем, полагал, что речь идет о средствах не производства вовсе, но лишь воспроизводства, а именно – воспроизводства населения. Эти-то средства, которыми обладает каждая

почти женщина, и должны были, по мнению Карабанова, оказаться в общественной собственности.

Петухатого местная бесшабашная и лихая публика уважала за сугубую образованность. Он писал слезные письма своим бывшим знакомым, знакомым знакомых и уж совершенно незнакомым людям, упирая на превратности судьбы и сложные обстоятельства, в которые по наущению врагов попал благородный человек, без пяти минут коллежский секретарь... На следующий день после отправки письма, надев взятый напрокат приличный костюм, Петухатый отправлялся по известным адресам. Кое-где давали небольшие деньги, кое-где просили на выход добром, но в целом жить было можно.

Еще в родительском доме Ника приохотилась к книгам, главным образом к иностранным, а также к романам в сентиментальном духе. Однако от книг мало было пользы в реальной жизни, Хитровка требовала практических умений. Девочке пришлось учиться всему: от искусства расписать бритвой наглухую харю пьяного вора, тайком от публики распутившего руки, до умения быстро и незаметно забраться в форточку или вытащить кошелек у зазевавшегося чучела.

Как ни странно, именно это умение и подняло ее с воровского дна и вывело в люди. Случилось это так.

С каторги сбежал особо опасный убийца по фамилии Волосюк, на совести которого было не меньше дюжины загубленных человеческих душ – сколько именно, не знал, кажется, даже он сам. Сбежав, Волосюк, недолго думая, знакомыми путями отправился на Хитровку, где, как он считал, всегда можно затихариться, пока шум не утихнет и его не перестанут искать. Каторга была ему определена пожизненная, так что рисковал он немногим. Однако судьба посмеялась над убийцей. Все дело в том, что поймал его и отправил в тюрьму не кто иной, как Нестор Васильевич Загорский. И Нестор же Загорский, узнав, что убийца сбежал, взялся водворить его обратно.

Вместе со статским советником на Хитровку явился и городской Федот Иванович Рудников. Рудников этот был личностью во всех отношениях легендарной, был на Хитровке известен всем и сам тоже знал почти каждого. В спокойные времена Рудников жил сам и давал жить, как тут говорили, обществу, то есть всему разноперому уголовному сброду, который кормился вокруг Хитровки. Однако в особых случаях Рудников брался исполнить свои прямые обязанности, и тут уж никто не мог от него спрятаться, ни одна собака, пусть даже и в человеческом звании. Явление Загорского относилось, безусловно, к особому случаю, поэтому Федот Иванович взялся лично проводить Нестора Васильевича к месту, где, по его разумению, должен был прятаться сбежавший Волосюк.

Встает, конечно, вопрос, почему брать опаснейшего бандита Загорский явился без полицейской поддержки, только в сопровождении своего верного Ганцалина. Ответ на этот вопрос мог быть только один: небольшой отряд в составе статского советника, его помощника и Рудникова мог взять голыми руками целую банду, а не то что одного убийцу, пусть даже и очень свирепого.

Вышло, правда, несколько иначе. Соседи убийцы, завидев вошедшего в комнату Рудникова, посыпались из окон, как горох. Волосюк же, поняв, что сбежать не успеет, бросился на Загорского с топором, которым вращал с частотой и силой парового колеса.

– Не замай, – хрипел Волосюк, – зарублю!

Зубы его были оскалены, изо рта, как у бешеного волка, летела белая пена, налитые кровью глаза косили. Улучив момент, он прицелился получше и с размаху вонзил топор в стену – в одном вершке от головы статского советника. Следующий удар вполне мог стать для Нестора Васильевича последним.

Загорский перед таким напором вынужден был даже немного отступить: очевидно было, что убийца лучше умрет, чем воротится обратно в каторгу.

– Эй, Василий, уймись, хуже будет! – крикнул Рудников, который, несмотря на всю силу свою и храбрость, при виде топора почел за лучшее укрыться за спиной статского советника.

Однако урезонить того было никак невозможно, так что они только пятились назад, уворачиваясь от страшных ударов топора. В какой-то момент, впрочем, за спину Волосюка проскочил Ганцзалин, и спустя несколько секунд беглый каторжник уже лежал в беспомощности на полу, исходя пеной и судорожно дергая ногами.

Когда они возвращались, надежно заключив беглого каторжника в наручники, за ними увязалась Ника. Девочка, надо сказать, от природы обладала бойким нравом, а уж на Хитровке, где воспитывать ее в духе благородной девицы было некому, сделалась совсем озорницей. Ничем иным, кроме как озорством, нельзя объяснить, зачем она подкралась к статскому советнику и вытянула у него из кармана бумажник.

Загорский, обычно очень чувствительный, в этот раз ничего не заметил. И видимо, так бы он и лишился своего бумажника, а вместе с ним и денег, если бы не вездесущий Ганцзалин. Он еще за некоторое время за приметил парнишку – а Ника носила мальчишечью одежду: так удобнее, да и соблазна окружающему мужскому сословию меньше. Когда же сорванец бесшумно и чрезвычайно ловко скользнул рукой господину в карман и вытащил оттуда бумажник, китаец медлить не стал.

Спустя мгновение воришка забился в его стальных руках. Билась Ника остервенело, но молча, может быть надеясь выскользнуть и убежать. Этого ей не удалось, но хуже всего, что на шум обернулся городской Рудников.

– Ах ты, чертенок, – воскликнул он, сразу поняв, что тут происходит, – нет на тебя угомона! Вот ведь оторва какая, не уследишь за ней!

Нестор Васильевич поднял брови: оторва? Так это что же, барышня?

– Девчонка, – горестно вздохнув, подтвердил городской. – Извольте видеть, круглая сирота, проживает в доме Орлова на иждивении у дядьки своего, Петухатого...

Тут стоит сказать одну важную вещь. Конечно, Ника не дожила бы до шестнадцати лет живая и здоровая, если бы ей покровительствовал один только дядюшка с женой Люсьеной. Так уж вышло – а как именно, не спрашивайте, Рудников все равно не ответит, – да, так уж вышло, что почтенный Федот Иванович полюбил шуструю девчонку, как родную, и стал ей покровительствовать. Об этом, разумеется, тут же узнал весь Хитров рынок, после чего жизнь Никина стала если не райской, то, во всяком случае, сравнительно безопасной и даже вполне сносной.

– Тебя, если кто задумает обидеть, ты мне сразу говори, – учил ее городской. – Даже если слово кто против тебя скажет, даже если подумает, я ему тут же – во!

И показывал огромный, поросший волосом кулачище.

Вот так совсем еще юная соплюшка, в которой и женщины было пока не разглядеть, стала королевой Хитрова рынка. Взрослые бабы – торговки и скупщицы – лгливо кланялись ей вслеп, когда она с безразличным видом шла мимо, самые свирепые воры опасались делать в ее адрес обидные замечания. И вот эта-то королева, любимица великого человека городского Рудникова, сейчас самым позорным образом попала на банальной карманной краже.

Нет, не то было позором, что кража, а то именно, что попала. Правило тут известное и очень простое. Поскольку не воровать бедному человеку нельзя – валяй, воров. Но не попадайся!

Ника же это правило нарушила, да еще и по отношению к важному человеку, Нестору Васильевичу Загорскому, перед которым легкую дрожь в коленях испытывал даже сам Рудников.

– Девчонка, значит, – повторил статский советник, изучая Нику, которая наконец перестала вырываться и стояла, уперев дерзкий взор в Загорского. Короткие волосы, обкорнанные

заботливыми ножницами Люсьены, стояли вокруг мальчишеской физиономии густым каштановым облаком. – Воровка, надо понимать?

– Ребенок, – примирительно протянул Рудников, – какое ее соображение! Вот я ей поперек седалища ремнем-то перетяну, в следующий раз будет знать, к кому в карман лезть.

– Чрезвычайно ловкая воровка, – как бы между делом заметил статский советник. – Так вытащила бумажник, что я ничего и не почувствовал. Одним словом, щипач высокой квалификации. А что еще ты умеешь?

Ника стояла подбоченившись, за спиной у нее, не давая сбежать, высился Ганцалин.

– Отвечай, когда спрашивают! – И городской дал ей наилегчайшего леща, такого тихого, что даже, кажется, не побеспокоил каштановое облако вокруг головы.

От лещей рудаковских теряли сознание здоровенные мужики, но то были лещи, данные от души. Здесь же имела место явная имитация суровости, так что Ника даже не шелохнулась.

Тем не менее Нестор Васильевич все-таки поморщился недовольно.

– Не нужно никого бить, – сказал он строго, – тем более не нужно бить ребенка. Я же вижу, она разумный человек, она способна говорить без всяких понуканий.

И снова обратил взгляд на барышню: итак, что она умеет еще, кроме как воровать?

Неизвестно, что такое было во взгляде статского советника, но Ника, которая поначалу решила лучше язык себе откусить, чем разговаривать с ним, вдруг заговорила.

– Что угодно могу, – буркнула она. – Хошь – кошелек выну, хошь – в фортку залезу, хошь – человека зарежу.

Загорский слегка улыбнулся и сказал, что резать людей – это совершенно лишнее, тем более для столь юной особы. Если она действительно настолько ловкая, как показалось статскому советнику, может ли она выследить человека?

– Даже мышь могу, – решительно отвечала Ника.

Нестор Васильевич и Ганцалин обменялись быстрыми взглядами, затем статский советник взглянул на Рудникова.

– Вот что, Федот Иванович, я, с твоего позволения, ненадолго заберу эту юную особу, мне нужно кое о чем с ней поговорить.

Рудников с готовностью закивал, а потом устремил строгий взгляд на Нику. Взгляд этот недвусмысленно говорил: ты, девка, слушайся господина Загорского, он плохого не посоветует. Впрочем, Нике уже и самой было любопытно, что это за господин Загорский такой и к чему, собственно, весь разговор.

Надо сказать, что вопрос этот выяснился очень скоро. Ника надеялась, что таинственный статский советник отвезет ее в свой дом, однако дом у него был в Петербурге, а в Москве – служебная квартира, в которую он ее, впрочем, тоже не повез.

– Пока еще рано раскрывать все карты, – объяснил он Нике. – Стоит приглядеться друг к другу, понять, сможем ли мы с тобой друг другу доверять.

Ника, конечно, считала, что ей-то, само собой, можно доверять, если, конечно, не класть рядом слишком толстые бумажники. А впрочем, и бумажник, если подумать как следует, доверию не помеха. У них на Хитровке такой был принят порядок: если человек тебе доверился, так доверия его обмануть нельзя ни в коем случае. Так что если Загорский доверится ей, то уж точно может за свой бумажник не волноваться.

Загорский же предложил вот что. Он будет платить ей небольшую сумму, скажем пятьдесят рублей в месяц, а она станет исполнять разные его мелкие поручения. Например, отнести что-нибудь куда-нибудь, или спрятать, или проследить за кем-то незаметно. Может быть, даже придется что-то украсть. Но она не должна этого бояться, он государственный человек, и за такие кражи преследовать ее никто не будет. Ну как, согласна она?

Пятьдесят рублей?! Да никто из рабочих на Никольской мануфактуре такие деньжищи не получает! Это же куча денег, на них столько всего купить можно! Тут, правда, в голову ей пришла новая мысль, и она посмотрела на Нестора Васильевича с подозрением.

– Сколько хошь мне платите, – сказала она сердито, – а мужчин обслуживать не стану!

Загорский ее успокоил, сказав, что об этом речи даже не идет. Все ее задания будут, как он выразился, партикулярные. Это слово было не совсем понятно, но почему-то успокоило ее.

– Ну, если партикулярные, тогда ладно, – сказала она, внутренне возликовав. Пятьдесят рублей! Теперь она может наконец себе отдельную комнату на Хитровке снять или даже целую квартиру. А то и вовсе с Хитровки уйти, снять меблированные комнаты.

Однако Загорский попросил ее не торопиться. Снять отдельную комнату можно и даже нужно, однако пусть она пока по-прежнему живет на Хитровке.

– Ты будешь моим агентом в мире криминала, – сказал он. – Тебя тут все знают, принимают за свою. И если вдруг что-то случится на Хитровке, ты тоже об этом будешь знать одной из первых.

Тут она опять задумалась: что же, выходит, ей предлагают на своих же товарищей доносить? Кто же это она будет после такого?

Но и тут статский советник ее успокоил.

– Тебе не придется доносить на знакомых, – сказал он. – Уголовными делами я занимаюсь крайне редко – только в тех случаях, когда они оказываются не по зубам полиции. Интерес мой сейчас в другом: я ищу политических преступников, таких, которые посягают на самые устои нашего государства.

– Которые, значит, против царя-батюшки? – уточнила она.

– Именно, – согласился Загорский. – Таким образом, если и нужно будет тебе что-то сообщать, то скорее о людях незнакомых. А это, я думаю, против твоих принципов не идет.

И хотя говорил статский советник довольно сложно, но она, как ни странно, его понимала. Значение слов, которые он произносил, быстро всплывали в памяти. Оказалось, в книжках, которые она читала раньше, подобные слова употреблялись довольно часто. Просто в живой жизни она их не слышала, да и кто бы стал так изъясняться на Хитровке – это было не по силам даже образованному дядюшке ее, Авессалому Валериановичу Петухатому.

С этих пор Ника перестала быть просто девчонкой, а стала тайным агентом, или, как она сама себя называла, сыщицей. Надо сказать, что Нестор Васильевич не особенно ее утруждал на первых порах, задания были небольшие и совсем необременительные. Вероятно, он больше приглядывался к ней, смотрел, можно ли поручить ей что-то стоящее.

И вот наконец заветный день настал.

Глава четвертая. Потомственный сумасшедший

Нестор Васильевич обычно пил не много. Однако в этот раз официант еле успевал подносить к их с Морозовым столу новые бутылки. И дело, конечно, было не в том, что Загорский решил уйти в загул. Просто разговор с мануфактур-советником касался тем очень болезненных и одновременно пугающих, вопросы приходилось задавать весьма интимные, на которые пьяному человеку отвечать гораздо легче.

Вопрос, любит ли Савва Тимофеевич актрису Андрееву до сих пор, как раз и относился к числу таких вопросов. Трезвый мануфактур-советник вряд ли стал бы на него отвечать, во всяком случае отвечать откровенно. Другое дело – мануфактур-советник выпивший и тем самым освободившийся от некоторых социальных оков. Такой, пожалуй, мог пойти и на самые откровенные излияния.

Итак, любит ли он Андрееву до сих пор?

Морозов задумался. Пожалуй, что и нет. Во всяком случае, сам он до последнего времени думал, что нет. Думал, что за два года любовь эта, счастливая и несчастная одновременно, все-таки отгорела. Его разрыв с Андреевой совпал с рождением у него сына, маленького Саввы, и на время радость эта заслонила все его огорчения и потери. Он помирился с женой, работал, все как будто вошло в привычную колею. Но...

Но все же он ошибся, выдавал желаемое за действительное – прежняя любовь не отпустила мануфактур-советника. С некоторых пор ему все сделалось неинтересно: мануфактура, Художественный театр, семья. Он метался и не знал, куда приткнуться. Он даже решил оставить театр, где служил директором, – ему казалось, что так он сможет разорвать невидимую мучительную нить, которая связывала его с Андреевой.

Известие о том, что Савва Тимофеевич уходит, обрушилось на Станиславского как снег на голову. Константин Сергеевич никак не мог в это поверить. После того как Андреева ушла к Горькому, Станиславский, конечно, опасался, что Савва Тимофеевич лишит их финансирования. Но он этого не сделал. И вот когда, казалось, все уже быльем поросло, гром все-таки грянул, и Морозов вышел из числа пайщиков.

– Как принял это Станиславский?

Морозов пожал плечами. Как он мог это принять – с величайшим огорчением, конечно. Выражаясь языком Писания, Савва был в Художественном театре камнем, поставленным во главу угла. И вот этот камень убирают. Это был тяжелейший удар для Константина Сергеевича, да и для всех, кто имел к театру хоть какое-то касательство.

– Как вы полагаете, театр без вас выживет? – с любопытством спросил статский советник.

– Надеюсь, что выживет, конечно. Однако жить ему будет куда труднее.

Тут мануфактур-советник внимательно посмотрел на Нестора Васильевича, и вид его сделался растерянным. Не думает же господин Загорский, что Станиславский или Немирович захотят из мести его убить?! Это ведь невозможно!

Загорский отвечал, что Станиславский, может, и не захочет. Может быть, даже не захочет и Немирович-Данченко. Но театр – это не только его основатели. Там полно других людей, которые кровно заинтересованы в его благополучии. Но все же, все же почему Морозов решил оставить Художественный театр?

– Я же говорил вам, мне хотелось разорвать все связи с Андреевой.

– Только поэтому?

Савва Тимофеевич замялся, лицо его на миг сделалось беззащитным. Нет, не только, конечно. Разразился экономический кризис, а театр требовал слишком много сил, времени и денег. Не было у него возможности тащить на себе подобное предприятие.

– Ну, хорошо, – кивнул Загорский. – Не хотите называть подлинной причины, дело ваше. Но все-таки что вас натолкнуло на мысль, что вас хотят убить? Слежка? Угрозы со стороны Красина?

Мануфактур-советник покачал головой. К слежке он привык. За ним давно ходят агенты охранного отделения, какие-то черносотенцы и всякая тому подобная шантрапа. Что же до Красина, то инженер никогда не произносил вслух никаких угроз. Были, конечно, абстрактные разговоры о суде истории, об ответственности перед народом и всякая подобная чепуха. Но на это он плевал с высокого дерева; Красина он не боится, Красин не убийца.

– А кто, по-вашему, убийца? – вопрос прозвучал, пожалуй, слишком прямо.

С минуту Морозов подавленно молчал. Загорский внимательно изучал модуляции его физиономии, потом кивнул, как бы подводя для себя некий итог. Савва Тимофеевич не просто знает убийцу, он видел его, не так ли?

Тот поморщился, как от зубной боли, на Загорского не смотрел. Ну, смотри не смотри, отвечать-то все равно надо, тем более что статский советник и сам уже все угадал.

Савва Тимофеевич наконец решился: да, он видел. Причем видел при таких обстоятельствах, что не может быть никаких сомнений, что это убийца.

– Он покушался на вас? – спросил Нестор Васильевич.

Да, он хотел застрелить Морозова. Дело было во время волнений на Никольской мануфактуре, спустя недолгое время после Кровавого воскресенья. Рабочие выдвинули целый список требований – сначала экономических, потом и политических. Савва Тимофеевич лично явился на мануфактуру, принял у них требования, некоторые обещал выполнить с ходу, другие – рассмотреть. Однако рабочие не расходились. Они возмущались, выкрикивали угрозы, в окна конторы, где сидел мануфактур-советник, полетели камни. Обстановка накалилась до крайности.

Член правления Назаров, опасаясь бунта, стал требовать, чтобы Морозов вызвал полицию. Савва Тимофеевич не хотел этого делать, понимая, что после событий 9 января и полиция, и рабочие находятся на взводе, и если столкнуть их лбами, крови не избежать.

– Я ведь был дурак великовозрастный, думал, я что-то вроде отца и покровителя своим рабочим, – Морозов досадливо покусывал губы. – Они у меня жили лучше, чем в любом другом месте. Зарплата выше, социальные условия – превосходные, общежитие мы им построили, театр, библиотеку, гулянья устраивали за счет мануфактуры. Даже в кризис я старался зарплат рабочим не снижать. Мне казалось, что и я к ним хорошо отношусь, и они ко мне тоже. Но тут словно с цепи сорвались, я никак не мог понять, в чем дело.

– Провокаторы, – нахмурившись, проговорил Загорский. – При желании даже самую мирную толпу можно накачать так, что она пойдет брать Зимний, не то что мануфактуру.

– Это я понял потом, – кивнул Морозов, – так сказать, на собственной шкуре. Но в тот момент я не желал прибегать к помощи полиции и подавно – войск. Однако Назаров оценил ситуацию лучше меня. Он-то и вызвал полицию.

Рабочие взвыли: увидев конных жандармов, они решили, что хозяева мануфактуры их предали и хотят разделаться с ними руками полиции. В отчаянии Савва бросился между всадниками и рабочими, пытался остановить неминуемую расправу. Но его никто уже не замечал: рабочие швыряли камнями, конники теснили их лошадьми, свистели в воздухе нагайки. В завязавшейся потасовке Савву Тимофеевича опрокинули на землю...

– Как младенца отшвырнули, еще и через голову перекувырнулся, – Морозов смущенно улыбался, глядя на Загорского. – А я-то, признаюсь, думал, что я крепкий человек, когда учился в Англии, боксингом там занимался.

– Английский бокс, или, как вы его зовете, боксинг, малоэффективен против казака с нагайкой, – заметил статский советник. – Ничего удивительного, что вас перевернули вверх ногами, слава богу, что не затоптали.

Барахтаясь на земле, Морозов поднял голову вверх и увидел на крыше ближнего к нему дома человека с пистолетом в руках. Человек был одет как рабочий – в бумазейные штаны и поддевку, на голове коричневый картуз – и целился из пистолета прямо в Морозова.

Морозов, не помня себя, быстро перекатился по земле, пуля ударила в то место, где он только что лежал. Гарцевавший неподалеку полицейский заметил стрелка, выстрелил в его сторону, и тот мгновенно исчез, спрятавшись за коньком крыши. Больше Морозов его не видел.

– Вы разглядели этого человека?

Мануфактур-советник покачал головой – не до того ему было, чтобы под дулом пистолета разглядывать стрелка. Правда, заметил окладистую черную бороду, наверняка фальшивую.

– Почему фальшивую? – удивился Загорский.

Ну, это дело известное: если при взгляде на преступника первым делом в глаза бросается борода, значит, она фальшивая. В криминальных романах, во всяком случае, так пишут.

Нестор Васильевич на это заметил, что он что-то не видел ни одного криминалиста, который писал бы романы. Пишут их обычно люди, от уголовного сыска далекие, следовательно, доверять их мнению на этот счет не стоит. Впрочем, это детали. Важнее установить, что предшествовало этому покушению?

Морозов пожал плечами. Что предшествовало? Жизнь предшествовала. Кровавое воскресенье, уход из театра, да еще тысяча разных вещей, всего не перечислить. Как сейчас понять, что имеет отношение к делу, а что нет? Вот, например, Максим Горький утверждал, что Савве Тимофеевичу надо опасаться черносотенцев: они якобы разозлены, что мануфактур-советник подкармливал большевиков. Хотя что за дело черносотенцам до большевиков? Нет, конечно, среди революционеров много инородцев, но дело, которым они занимаются, то есть бунт, вполне русское.

– А зачем вы начали мне рассказывать про Андрееву? – перебил его статский советник.

Морозов почему-то смутился. Да как-то к слову пришлось. Господин Загорский стал расспрашивать все по порядку, он все по порядку и рассказал.

Нестор Васильевич покачал головой. Нет, не так. Он спросил Морозова о вещах, возможно имеющих касательство к покушению. Но, насколько он понял, после ухода Андреевой к Горькому Морозов с ней не общался, не видел ее ни по личным делам, ни по делам их партии. Или все-таки видел?

Савва Тимофеевич густо побагровел и нахмурился. Несколько секунд он молчал, глядя куда-то в стол, потом поднял на Загорского прищуренные глаза. Его высокородие не обмануть, он, как в сказке, сидит высоко и глядит далеко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.